

**СОВЕТСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
В 40-50-Х ГОДАХ
ГЛАЗАМИ
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

Дипломная работа
Университет Ювяскюля
Кафедра русского языка
Осень 2001

— — — ■ ■ ■ — —
Марика Ниеминен

JYVÄSKYLÄN YLIOPISTO

Tiedekunta HUMANISTINEN	Laitos venäjän kielen laitos
Tekijä Marika Nieminen	
Työn nimi Neuvostovankeus 40-50-luvulla A. I. Solzhenitsynin silmin	
Oppaine venäjän kieli ja kirjallisuus	Työn laji pro gradu -tutkielma
Aika syksy 2001	Sivumäärä 100
Tiivistelmä - Abstract	
<p>Tutkimuksessa tarkastellaan 40-50-luvun poliittista neuvostovankeutta sellaisena kuin Aleksandr Solzhenitsyn sen koki ja kuvasi teoksissaan <i>Vankileirien saaristo</i>, <i>Ensimmäinen piiri</i> ja <i>Ivan Denisovitshin päivä</i>. Vangin elämää on paitsi vaikea kuvata myös vaikea ymmärtää itse ristikon takana istumatta, ja tämän vuoksi tutkimuksessa pohditaan yleisesti käsittetään <i>vankeus</i> ja <i>vankila</i>. Erityistä huomiota kiinnitetään vankeusrangaistukseen sisältöön, sen täytäntöönpanoa sääteleviin lakeihin ja vankeinhoidon yleisiin periaatteisiin, ns. vähimmäissäätöihin, sekä niiden puutteelliseen toteutumiseen 40-50-luvun Neuvostoliitossa. Solzhenitsynin kuvaamia vankilaoloja myös vertaillaan nykyajan vankilaoloihin Suomessa ja Venäjällä. Venäläisistä vankiloista esimerkkinä on pietarilainen tutkintavankila Lebedeva IZ 45/4.</p> <p>Työssä keskitytään tarkastelemaan lähemmin Solzhenitsynin elämää, ts. yleisiä elinolosuhteita, työtä, harrastuksia, suhtautumista vankeuteen jne. Marfinon erikoisvankilassa. Solzhenitsyn kuvaaa ja selittää erinomaisesti vankien maailmaa, jossa vallitsevat sen omat kirjoittamatottomat lait ja oma kulttuuri, esim. vankilakirjallisuus. Tutkimuksessa on tarkasteltu keskeisimpää vankien maailman ja vapaiden maailman välistä eroja. Vankien maailmaan syvennyttääessä huomattiin, että vankeus muuttaa ihmisen persoonaan, ajatus- ja arvomaailma sekä vieraannuttaa vapaudesta. 40-50-luvun neuvostovankeuden, kuten vankeuden yleensä, voi näin ollen katsoa epäonnistuvan tehtävässään muuttaa tuomitun luonnetta siten, että paluu vapaaseen yhteiskuntaan ja elämä sen täysivaltaisenä jäsenenä on mahdollinen.</p>	
Asiasanat Solzhenitsyn, vankeus, vankila, erikoisvankila, vankien elinolot	
Säilytyspaikka venäjän kielen laitos	
Muita tietoja	

СОДЕРЖАНИЕ

1 ВВЕДЕНИЕ	5
1.1 Терминология	7
1.2 Цель исследования	8
2 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	10
2.1 Преступление и наказание	10
2.2 Политический арест и следствие	11
2.3 Тюремное наказание	13
2.3.1 Время	13
2.3.2 Телесное и душевное наказание	14
2.3.2.1 Изоляция	15
2.3.2.2 Лишение сексуальности	17
2.3.2.3 Питание	18
2.3.2.4 Насилие	20
2.3.2.5 Медицинское обслуживание	21
2.3.3 Работа - часть наказания	23
2.4 Права человека и лишение свободы	25
2.5 Тюремное заключение с точки зрения арестанта	26
3 ТЮРЬМА	29
3.1 Тюремная дисциплина	30
3.2 Дисциплинарные взыскания	31
3.2.1 “Одиночка”	32
3.2.2 Сокращение питания	34
3.2.3 Наручники	35
3.2.4 Лишение прав	35
3.2.5 Перевод в другую тюрьму	36
3.3 Тюремные служащие	38
3.3.1 Тюремный служащий в роли члена группы	40
3.3.2 Тюремный служащий в авторитарной роли	41
3.3.3 Тюремный служащий в роли наёмного работника	42
3.3.4 Советские тюремщики в 40-50-х годах	43
3.4 Коллектив заключённых	45
4 ТЮРЕМНАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР В 40-50-Х ГОДАХ	47
5 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В МАРФИНО	51
5.1 Арест на фронте	52
5.2 Марфино - круг первый	53
5.3 Работа на марфинской шарагше	55
5.4 Марфинская академия	60
5.4.1 Дмитрий Панин	61
5.4.2 Лев Копелев	62
5.4.3 Сергей Иващев-Мусатов	63
5.4.4 Спиридон Егоров	64

5.5 Свободное время в Марфино	65
5.6 Отношение к заключению	68
5.7 Отъезд из Марфино	70
6 МИР ЗАКЛЮЧЁННЫХ	72
6.1 Время	73
6.2 Заключённый	75
6.2.1 Личность становится номером	76
6.2.2 Номер становится заключённым	77
6.2.3 Заключённый - не человек	78
6.2.4 Заключённый становится личностью	79
6.2.5 Заключённый в мире вольных	81
6.3 Шкала ценностей	82
6.3.1 Пища	83
6.3.2 Табак	84
6.3.3 Сон	85
6.3.4 Мелкие вещи	86
6.3.5 Подарки	88
6.4 Вечные вопросы жизни	91
6.4.1 Совесть и мораль	91
6.4.2 Свобода	93
6.4.3 Смерть	95
7 РЕЗЮМЕ	97
ЛИТЕРАТУРА	99

1   ВВЕДЕНИЕ

В начале нового тысячелетия самая пора оглянуться на прошлое и учиться на ошибках, сделанных в прошлом. 20-й век вспоминается то веком электричества и космических полётов, то веком изобретений в областях химии и атомной физики, но об одном изобретении забывается - никто не называет предыдущее столетие веком концентрационных лагерей. Постыдная для нас правда, что концлагеря были приуманы в 20-м веке, которым мы очень гордимся.

Мы все знаем о гитлеровских концлагерях во время второй мировой войны, а сталинские лагеря нам менее знакомы, хотя на самом деле, разницы между Гитлером и Сталиным не было никакой, кроме той, что Stalin был более злым. Почему мы не устаем ужасаться шести миллионам жертвам фашистских лагерей, когда судьба несчитанных людей, убитых в советских лагерях нас как бы не касается. Хотя их по оценкам историков было почти в десять раз больше? Ответ на этот вопрос является очень простым. Зверства гитлеровских лагерей осуждали неоднократно, и - самое важное - наказаны были тысячи виновных людей, признавшихся в совершении преступления. Зато о советских лагерях молчали и для вида наказали всего лишь несколько человек, как бы речь не шла о преступлении против человечества, а просто о каком-то вполне приемлемом поступке. (Антонов-Овсеенко 1999: 15).

В Советском Союзе, несмотря на усилия власти, полностью не удалось подавить голос тех, кто не хотел - и даже не мог - молчать о центральном опыте века. Александр Солженицын, который нам передал и объяснил лагерный опыт - самый важный проповедник правды о советском лагере, ведь он же нашел язык для описания Архипелага ГУЛага. Так он называет это запровоночное государство, и именно благодаря Солженицыну советские лагеря стали известными всему миру. Солженицын, произведения которого основываются на личном опыте в ГУЛаге, рассказывает о коллективном опыте советских заключённых. Он пишет не только о тех, кому удалось остаться в живых, а также о миллионах людей, погибших в лагерях, и в этом его самая большая заслуга. Солженицын писал для своего народа, и людям западных стран совсем не легко понимать произведения о чужом мире советских лагерей. Поэтому многие их считают не ужасающими, а просто монотонными и надоедливыми книгами.

Нам нельзя забыть ни об одном лагере, а лучше было бы из них извлечь урок. Мы хвастаемся успехами в области новейшей технологии, не обращая внимания на знаменитый факт, что человек склонен относиться к другим тем жестче, чем выше уровень применяемой техники. Новая техника даёт новые возможности для содержания заключённых в тюрьме, но лагерь возможен и без неё. Об этом свидетельствуют новости о лагерях в Китае и в Северной Корее, и в августе 2001 мы читали в газетах о трудовых лагерях в России. Нам остаётся надеяться, что больше никогда нигде не будет Архипелага ГУЛага, или, может быть, он уже есть? На этот вопрос мы не будем отвечать в этой работе, а мы рассмотрим советское заключение 40-50-х годов глазами Александра Солженицына. Сравнения ради мы обсудим также нынешнюю пенитенциарную систему в России, где количество заключённых относительно числа населения является самым большим в мире. Мы будем также сравнивать условия в финской и российской тюрьме.

1.1 Терминология

'Заключение' объясняется по словарю состоянием того, кто лишен свободы, заключен под стражу (Толковый словарь русского языка, с. в. заключение, 203). Заключение обычно связывается с тюрьмой, хотя осуждённые к лишению свободы, отбывают свое наказание в разных карательных учреждениях, в зависимости от критериев разделения. По уголовно-исполнительному закону России, в тюрьмах содержатся осуждённые на срок свыше пяти лет, т.е. за совершение особо тяжких преступлений или при особо опасном рецидиве преступлений (Селиверстов 2001: 138). В этой работе мы употребляем слово *заключение*, означая состояние всех лишенных свободы, несмотря на место отбывания наказания. Разные карательные учреждения, т.е. лагерь, тюрьма и спецтюрьма, мы называем *тюрьмой*, и только в тех случаях, в которых следует подчеркнуть различия между тем или иным учреждением, мы употребляем слова *лагерь*, *тюрьма* и *спецтюрьма* или *шарашка*.

Людей, которых содержат в карательных учреждениях, мы называем *заключёнными* или *зэками*. Названия, указающие на место отбывания наказания, как *лагерник* или *лагерный заключённый* и *шарашечный заключённый*, мы употребляем при необходимости упоминать разницу между той или другой группой заключённых. Названиями *политзаключённый* или *враг народа* мы подчеркиваем сложность положения нашего главного объекта, которым является политический заключённый, осуждённый на основе статьи 58.

Работающие в тюрьме люди имеют много названий. Имея в виду весь штат тюрьмы, мы говорим о *тюремном персонале*. Словами *тюремный служащий* и *тюремщик* мы указываем на отдельных членов персонала, несмотря на звание или вид службы: *тюремные начальники*, *надзиратели*, *вольные сотрудники* и т.д. Говоря о тюремных служащих, отвечающих за охрану заключённых, мы употребляем слово *надзирательство*, и делая различие между надзирателями в тюрьме и в лагере, мы употребляем названия *тюремный надзиратель* и *лагерный надзиратель*. В *тюремное начальство* входят тюремные начальники, которых мы не разделяем по званию или по виду обязанностей.

1.2 Цель исследования

Заключение - слово, которое легко произносить, но трудно объяснить, хотя оно одно из важнейших слов для описания новой истории. В 20-м веке заключение получило совсем новую форму: миллионы людей попали в заключение уже не за совершенные ими преступления, а на основе гражданства, расы, религии или образа мышления. В страшнейшей конкретизации этого *массового заключения*, в советском Архипелаге ГУЛаг, погибли миллионы невиновных людей.

В настоящей работе мы рассматриваем советское политическое заключение в 40-50-х годах таким, каким его испытал Александр Солженицын, побывший на островах Архипелага всего восемь лет, с 1945 по 1953 год. Нас интересует положение политических заключённых, т.е. людей, осуждённых за образ мышления, положение которых было самое сложное в советской тюрьме. Советское заключение в сталинское время отличается во многом от нашего представления о заключении, и вначале мы должны определить и такие основные понятия как преступление, наказание, арест и следствие, которые тогда получили совсем новое значение.

Мы рассматриваем тюремную жизнь с точки зрения самого заключённого с той целью, чтобы понять, каково в действительности положение того, кто лишен свободы и заключен под стражу. Мы вкратце рассмотрим тюремную литературу в Советском Союзе в те же самые 40-50-е годы, и потом познакомимся с летописцем Архипелага, А. И. Солженицыным. Мы сосредоточимся на его пребывании в московской спецтюрьме Марфино, потому что этот трёхлетний период можно считать самым значительным этапом на его пути через запреточное государство. Как знать, может быть, без остановки на шарашке Солженицын не пережил бы восьми лет лагерей.

В главе “Мир заключённых” мы рассматриваем важнейшие различия между заключением и свободой с точки зрения солженицынского героя, т.е. заключённого. Удивительно, но эта тема не заинтересовала литературоведов, и общие произведения о заключении будут очень полезными для нас. Так как речь идёт именно о мышлении Александра Солженицына, мы цитируем его тексты,

чтобы был слышен его голос. Цель работы ознакомиться со взглядами Солженицына на советское заключение в 40-50-х годах, которое мы сравниваем с основными принципами современного заключения, и практикой российских и финских тюрем сегодня. Примером российской тюрьмы у нас служит санкт-петербургская тюрьма предварительного заключения, Лебедева ИЗ 45/4.

2 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

2.1 Преступление и наказание

Совершая преступление, человек нарушает законы общества и соответственно самому обществу. В глазах общества он становится предателем или монстром, и защищающееся общество наказывает преступника, угрожающего ему. В Советском Союзе при Сталине врагом общества, т.е. преступником, мог стать каждый, и даже безо всякого нарушения законов, так как тоталитарный режим делил всё человечество надвое по принципу 'Кто не с нами, тот против нас'. Каждого противника новой власти следовало уничтожить, таким образом население бывшей царской империи разделилось на две категории - на палачей и на жертв. (Антонов-Овсеенко 1999: 453; Todorov 1997: 127.) Советское общество определило преступление по-новому, и надо было дать и наказанию новое содержание. Солженицын представляет определение из 1919 года, по которому наказание не есть ни возмездие, ни искупление вины - оно есть "оборонительная мера по охране общественного строя - *мера социальной защиты*" (1974б: 142-143).

Преступление без наказания становилось бы постоянной угрозой обществу. Оно могло бы совершиться вновь, и послужило бы дурным примером, создающим стимул к обобщению данного вида преступления. Определяя меру наказания, особое внимание обращается на то, чтобы у преступника не осталось желания совершить преступления в будущем, и чтобы у него не появился последователи. Возможность рецидива становилась самым важным фактором в определении наказания: нарушение законов общества в прошлом является менее важным, чем возможное нарушение общественного порядка в будущем. Наказание, значит, нацелено в будущее вместо прошлого. (Foucault 1975: 107.)

Важно, что преступнику будет определено справедливое наказание, которое основывается на трёх условиях. Эти условия - установление преступного действия, уличение виновного к этому преступлению и знание законов. (Foucault 1975: 25.) В Советском Союзе 40-50-х годов, эти условия редко исполнялись, и можно сказать, что условия справедливого наказания чаще всего заменились номером статьи УК.

2.2 Политический арест и следствие

В Советском Союзе арестовывали много ни в чем не виновных людей. Виновника иногда даже не искали, а просто обвиняли кого-то, кто случайно попадал во внимание органов безопасности. При этом объясняли, что возможная социальная опасность человека превалирует над его личной виной: можно было выпустить виноватого социально-близкого и посадить социально-чужого, хоть и невиновного. Арестовывали часто и невиновных супруга и родителей “врага народа” и детей его отправляли в детский дом. Аресты катились эпидемией по городам, и всё-таки, их как бы не было, так как происходило это в Ночной жизни, и принадлежало только ей (Радзинский 1997: 419): “По той самой асфальтной ленте, по которой ночью сновали воронки, - днём шагает молодое племя со знамёнами и цветами и поёт неомрачённые песни” (Солженицын 1974а: 21).

В стране, где доносительство стало синонимом гражданственности, удивительно много людей арестовывали на основании ложного доноса, которые часто писали из страха. Сила, даже анонимного, доноса была такая неотразимая, что “В борьбе друг с другом людей на воле доносы были сверхоружием, икс-лучами: достаточно было только направить невидимый лучик на врага - и он падал” (Солженицын 1974б: 290). Советских граждан убеждали, что доносительство - патриотический долг и лучшая помощь тому, на кого доносится, и содействует оздоровлению всего общества. (Радзинский 1997: 432; Солженицын 1969: 363.) Декрет, запретивший анонимные доносы, установили только в 1988 году при Горбачёве, но уже в конце 2000 года этот декрет был опять отменен руководителем ФСБ, и так анонимки вернулись в Россию (Vainonen 2001: 14).

Донос влёк за собой арест и обвинение. Арестованный, сам не узнавший даже за что был арестован, обычно верил, что “Это ошибка! *Разберутся - выпустят!*” (Солженицын 1974а: 26). Раз схваченного, конечно, не выпускали - а пытали. Применять пытки в следствии было разрешено документом с 1937 года; все меры же хороши, раз они направлены на высокую цель. Никого даже не интересовало распутывание преступления и в 95 % время следствия шло на то, что утомить, изнурить и обессилить подследственного, чтобы он подписал любые лживые показания. (Радзинский 1997: 379; Солженицын 1974а: 108.)

Номер статьи УК нормировал действие советской правовой системы, и каждый следственный отдел должен был в заданный срок поставлять предусмотренное число людей, готовых сознаться во всём. Кодекс советского права арестованные не видели, и следователям хорошо было шутить, что “был бы человек, а дело создадим”. Уголовный кодекс 1926 года был частично заменен секретными инструкциями, и следствие и суд стали юридической формой без значения: предначертанная заранее участь арестованного уже не изменилась. (Солженицын 1974а: 155.)

ОСО, особое совещание при ГПУ-НКВД, которого не упомянули ни в кодексе, ни в конституции, накладывало человеку административное взыскание. Взыскание могло быть и двадцать пять лет, включая в себе лишение званий и наград, конфискацию имущества, закрытое тюремное заключение и лишение права переписки. Постановления ОСО нельзя было обжаловать так как оно подчин-

ялось только министру внутренних дел, Сталину и сатане. В области политсуда ОСО оказалось, как пишет испытавший его силу Солженицын, “...самой удобной котлетной машинкой - неупрямой, нетребовательной и не нуждающейся в смазке законами” (1974а: 289). Избежать срок было невозможно, и лишенным всех прав, человек исчезал с лица земли надежнее, чем по судебному приговору. (Солженицын 1974: 291, 297).

2.3 Тюремное наказание

В начале 19-го века тюремное заключение стало обычной карательной акцией, и только за самые страшные преступления приговаривали к смертной казни. Когда тюремное заключение заменило публичные пытки наказанных, которые выполняли раньше на рынке города, наказание стало самой скрытой и абстрактной частью судебного процесса. Эффективность наказания уже не лежит в том, что оно наводит ужас на человека, а в том, что наказание неотвратимо. Заключение, как мы уже знаем, - мероприятие лишения свободы, но оно также мероприятие, с помощью которого поведение человека, виновного в совершении преступления, можно изменить так, что возвращение в общество и жизнь в нём будет возможными. (Foucault 1975: *passim*.)

2.3.1 Время

Заключение без конца было бы противоречиво. Следовало элиминировать неисправимых преступников, но остальных следовало изолировать от общества на определённый срок. Время играет важную роль, так как продолжительность заключения является осуществляющей силой наказания, которое эффективно лишь в том случае, если у него будет и конец. Определяя срок наказания, следует принимать во внимание условия отбывания наказания, но важнее ещё, что

отправной точкой индивидуализирования наказания будет сама личность, т.е. объект контролируемого изменения. Таким образом, срок наказания, это не меновая стоимость нарушения, а его следует относить к желаемому изменению в характере судимого. (Foucault 1975: 124, 276.)

Человек - исправимый или неисправимый, но характер судимого не выводится из тяжести преступления. Наказание окажется безрезультатным, даже в случае исправимого человека, если нет возможности досрочного освобождения, которое обычно даёт судимому толчок к изменению. (Foucault 1975: 276.) Советским заключённым давали мало надежд относительно досрочного освобождения, а для политзаключённых освобождение и после отбывания срока было маловероятным. В общем, срок можно было повторять вновь без судебного процесса, так что отбывшему первый срок просто давали второй.

Советские суды приговаривали людей к долгим наказаниям, не принимая во внимание ни тяжести преступления, ни личности обвиняемого, и есть основание говорить, что в Советском Союзе судебная система провалилась в индивидуализировании наказания. Солженицын также критикует неудачливость советской судебной практики в этой области:

...как можно по единому уголовному кодексу давать однообразные уподобленные наказания? Ведь внешне *равные* наказания для разных людей, более нравственных и более испорченных, более тонких и более грубых, образованных и необразованных, суть наказания совершенно *неравные*. (1974б: 617.)

2.3.2 Телесное и душевное наказание

В 18-м веке потребовали, чтобы наказание не содержало в себе пытки, так как у каждого человека, даже у самого страшного убийцы, есть одно свойство достойное уважения, и это - человечность. В то же самое время тюремное управление всё-таки критиковали за то, что условия заключённых были лучше, чем бытовые условия многих вольных, страдающих от голода, холода и бедности. Считалось вполне справедливым, что заключённые страдали физически больше вольных граждан. Хотя в 20-м веке человечность судимого окончательно стала главным

предметом тюремного наказания, оно всё же содержит телесные и душевные мучения. Трудно даже представить себе, каким было бы нетелесное тюремное наказание, так как тюремное заключение и принудительная работа не считаются эффективными без наказания тела. Дополнительными телесными наказаниями современного заключения можно считать изоляцию, лишение сексуальности, сокращение питания и насилие. (Foucault 1975: 21, 86.) Медицинское обслуживание заключённых часто является недостаточным, и включается в телесные наказания.

В начале 20-го века в Советском Союзе установили законы, запретившие всякое телесное и душевное наказание. Установленный в 1924 году закон гласил, что “режим должен быть лишен признаков мучительства” (1974б: 145). В уголовном кодексе 1926 года установили, что “Меры социальной защиты не могут иметь целью причинения физического страдания или унижения человеческого достоинства и не ставят себе задачи возмездия и кары” (Солженицын 1974б: 146). Законы, правда, были секретными; заключённые их не знали, и тюремное начальство также не знал о них, или просто их не соблюдало.

Во второй половине 20-го века, составили договоры и декларации, с помощью которых подписывающие их страны, в том числе и Российская Федерация как правопреемник СССР, хотят улучшить состояние заключённых во всем мире. В этой работе мы рассматриваем *Минимальные стандартные правила обращения с осуждёнными*, составленные Экономическим и социальным советом ООН (ЭКОСОС) в 1957 году.

2.3.2.1   Изоляция

Изоляция - основный принцип тюремного заключения. Заключённый будет отделен от преступной деятельности и от всего общества, и в тюрьме осуждённых отделяют также друг от друга. Думают, что изоляция способствует выпрямление преступного характера, так как в изоляции человек легче подчиняется власти,

которая стремится влиять на него. Притом, в изоляции заключённые не могут объединяться против тюремной власти, и в этом смысле изоляция является также мерой предосторожности. (Foucault 1975: 267-268.)

Тюремная стена конкретизирует отделение заключённых от общества, но отделение уже не может быть абсолютным. В Финляндии установили в 1975 году закон, которым стремятся улучшить связи заключённых с внешним миром. Сегодня заключённые могут ходить в школу или на работу вне тюремной территории, иметь в употреблении телевизор и радио, звонить по телефону и т.д. Использовать видео и видеофильмы, компьютер, компьютерные программы и игры или Интернет, обычно не разрешается, но практика разнообразная. (Lipsonen 1997: 140, 170; Teittinen 1993: 44.) В Российских тюрьмах заключённые могут звонить по телефону, слушать радио, смотреть телепередачи, и им показывают также кинофильмы (Селиверстов 2001: 308). Имеется ещё особенная форма связи с внешним миром, и, например, в Санкт-Петербурге на Арсенальной набережной напротив тюрьмы Кресты, можно видеть женщин, которые машут руками и дают знаки своим, и из окон тюрьмы видны руки, дающие такие же знаки. Этим языком жестов передают разнообразные дела, в основном же - чувства.

Отделение заключённых друг от друга в финских тюрьмах является по большей части добровольным. Заключённые, которые отбывают или первый или долгий срок чаще всех просят быть в камере в одиночку, и обычно только при недостатке мест эту просьбу не уважут. В марте 2001 осуждённых в наших 24 тюрьмах было больше, чем места (ESS 11.5.2001), и ясно, что будет всё труднее изолировать заключённых, когда число их увеличивается. Изоляция всё-таки используется как дисциплинарное взыскание, и условия такой изоляции определены законом. (Keskimaunu 1995: 61; Lipsonen 1997: 138.)

Советские тюрьмы были обыкновенно переполнены. В начале войны общая наполняемость четырёх московских тюрем, т.е. внутренняя НКВД, Бутырская, Лефортовская и Сухановская, составляла 5000 мест, а реальное число заключённых в них доходило до 20 000. Об изоляции, конечно, и речи не может быть, если в одиночки сажают по 4-6 человек. (Антонов-Овсеенко 1999: 238.) Теснота является трудной проблемой и в российских тюрьмах, где заключённых

может быть во много раз больше, чем мест. Например, в Лебедеве мест - 1500, а заключённых там около 4000, из которых несовершеннолетних около 700. По закону норма жилой площади в расчёте на одного осуждённого в тюрьмах не может быть менее двух с половиной квадратных метров, но жилая площадь заключённых в Лебедеве меньше, чем один квадратный метр. В тюрьмах заключённые по закону содержатся в запираемых общих камерах, но изоляция, конечно, существует в российской тюрьме, как существовала и в советской тюрьме, в качестве дисциплинарного взыскания (см. 3.2.1). Согласно статьи 131 УИК РФ осуждённые могут содержаться в одиночных камерах лишь в необходимых случаях с согласия прокурора по мотивированному постановлению начальника тюрьмы. (Селиверстов 2001: 369, 403; Thunander 2000.)

2.3.2.2   Лишение сексуальности

Следствием изоляции и отделения заключённых по полу в мужские и женские тюрьмы является лишение сексуальности. Для человека сексуальность до такой степени существенна, что лишение её считается одним из страшнейших прибавленных телесных наказаний; отсутствие интимных отношений - один из самых угнетающих факторов жизни человека в заключении. Лишение сексуальности воздействует на эмоциональную жизнь человека и будет, таким образом, и значительным душевным наказанием. (Teittinen 1993: 121.)

В 1946-1948 годы в Архипелаге произошло полное отделение мужчин от женщин по идеи Сталина, и появились раздельные мужские и женские зоны, так что "...Эрос метался. Не находя других сфер, он уходил или слишком высоко - в платоническую переписку, или слишком низко - в однополую любовь" (Солженицын 1974б: 242.) Лагерное супружество заключённых стало невозможным, и любовные отношения между заключёнными и тюремными служащими были строго запрещены законом. Этот закон всё-таки оказался таким же бездействительным, как большинство законов в то время:

А оперуполномоченные не знали о женщинах ... вольных сотрудницах, допущенных в это суровое здание, - как эти женщины не знали друг о друге ... что все они двадцать две под занесенным мечом и под постоянное наговаривание инструкций или нашли здесь себе потаённую привязанность, кого-то любили и целовали украдкой (Солженицын 1969: 280.)

Многие считают, что свидание с женой в тюрьме похоже на растрыву. Отношение заключённого к любимому им человеку кажется каким-то искусственным, так как оно уже не может за свою связанность с прошлым подвергаться изменениям. Изменения в условиях жизни и в характере заключённого обычно такие значительные, что временами супругам станет трудно добиться взаимопонимания. (Teittinen 1993: 118, 120.)

Заключённых разделяют в мужские и женские тюрьмы, где в персонал всё-таки входят как мужчины, так и женщины. Хотя и сегодня не одобряют романы между заключёнными и тюремными служащими, они есть, и лишение сексуальности не является абсолютным. В Финляндии заключённых можно уволить в отпуск к семье, и разрешаются также долгие семейные свидания в тюрьме. Не удивительно, что гомосексуализм более редкое явление в финских тюрьмах, чем в российских тюрьмах. В России же осуждённые, которые отбывают свой срок в тюрьме, не имеют возможностей выездов за пределы тюрьмы даже в случае смерти близкого родственника, и имеют право только на два краткосрочных и два длительных свидания в течение года. (Lipsonen 1997: 130; Селиверстов 2001: 403-404; Thunander 2000.)

2.3.2.3 Питание

Сокращение питания уже не считается приемлемым способом наказания, и качество тюремной пищи определяется в правилах ООН. Пища должна быть хорошо приготовлена и подана, и государство обязано обеспечить заключённых достаточной и здоровой пищей и в том случае, если питание населения в общем недостаточное. (Селиверстов 2001: 526; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 73, 96.)

В Советском Союзе, в 40-50-х годах, сокращение питания было обыкновенным прибавленным телесным наказанием то поневоле, то намеренно. Специалистами было высчитано с точностью до одной калории, где лежит граница между жизнью и медленной смертью от истощения (Антонов-Овсеенко 1999: 185). Мы выше упомянули о принципе индивидуализации наказания, о котором забыли также в разделе питания. Варлам Шаламов пишет, что

Он не понимал, почему лагерный людской паек, эта таинственная роспись белков, жиров, витаминов и калорий, предназначенных для поглощения заключенными и называемая котловым листом, составляется вовсе без учета живого веса людей. Если уж к ним относятся как к рабочей скотине, то в вопросах рациона надо быть более последовательным, не надо утруждаться какой-то арифметической средней - канцелярской выдумки. Эта страшная средняя в лучшем случае была выгодна только малорослым, и действительно малорослые “доходили” позже других. (1982: 210.)

Заключённые на шарашках (см. 2.3.3) не познакомились с этой арифметической средней. Они имели право получить передачи, им делали закупки в магазинах с их личных счетов, и притом питались они сравнительно хорошо. Питание зависело от специальности заключённого, так что давали “Масло сливочное профессорам по сорок грамм, инженерам по двадцать” (Солженицын 1969: 14). В таких условиях, конечно, отбывали свой срок лишь малое количество из миллионов заключённых.

Пайки в лагере разделялись при выполнении нормы работы (см. 2.3.3). Большинство заключённых выполняло норму на 30-80 %, и получало пайку штрафную, т.е. 400 граммов хлеба и две миски баланды. У Солженицына мы найдем точную информацию о разных пайках в годы войны, но здесь достаточно упомянуть, что по нормам ГУЛага нельзя было накормить человека, работающего на морозе с десяти до тринадцати часов в день (1974б: 199), например, в 1939 году продовольственная норма, определённая с самого начала для заключённых, отбывающих свой срок в тюрьме, была 1400 килокалорий в день. Пища была по количеству, значит, недостаточная, а качество пищи - убогое. Она не содержала рыбы, мяса, жира или соли, и у заключённых получалось и так, что “...ты и голоден, а всё никак не вольешь её в себя” (Солженицын 1974б: 170).

Сокращение питания имеется, в силу обстоятельств, и сегодня в российских тюрьмах. Согласно нормативам заключённым предоставляется ежедневное

трёхразовое питание, и качество пищи контролируется, но нормативам всегда не могут следовать на практике. По данным 2000 года российское государство выделяет только четыре рубля на заключённого в день, и за эти деньги, конечно, невозможно обеспечивать даже самое минимальное питание. В Лебедеве трёхразовое питание является возможным лишь благодаря внешней помощи из Швеции. Пища заключённых в Лебедеве, в основном, состоит из супа, содержащего овощи и макароны но нет мяса, рыбы или яиц. Питательных жиров не хватает всем, и масло и хлеб получают лишь больные заключённые, соблюдающие особую диету. Даже картофель является в Лебедеве и других российских тюрьмах роскошным продовольствием. (Селиверстов 2001: 370-371; Thunander 2000.)

2.3.2.4 Насилие

В старой системе наказаний пытки никогда не были произвольными, а основывались на, так называемом, юридическом коде мучений. Этот код строго определял правила пыток, и мучения соразмерялись с тяжестью поступка, за который человека наказывали. (Foucault 1975: 42.) Современная система наказаний также включает телесное взыскание, которое мы здесь называем насилием.

С весны 1995 в штате Алабама (США) заключённых заковывают в кандалы на их местах работы, и с конца 90-х годов также в Финляндии требуют более жёсткого обращения с заключёнными. Вероятно, что в ближайшие годы дисциплина и будет более строгой в наших тюрьмах, где всё больше иностранных арестантов. Заключённые, которые сидели в тюрьме в Эстонии или в России, которых сравнительно много, считают финскую тюрьму почти “детским садом”, и можно предполагать, что насилие в российских тюрьмах более обычное явление, чем у нас. (Lipsonen 1997: 15.)

В советское время установили много законов, запретивших всякое причинение физического страдания и даже использование наручников было запрещено. В действительности, эти законы тоже оказались малозначимыми, и пытки

никогда не прекращались в советской тюрьме, за исключением шарашек. Пытки, так считалось, были “совершенно правильный и целесообразный метод” обращения с упорствующими заключёнными. Тюремные служащие, конечно, сами могли произвольно определять, кто из заключённых был “упорствующим”. (Антонов-Овсеенко 1999: 217.)

Солженицын отметил, что жестокость советского надзирателя была пропорциональна его необразованности, так что более образованный надзиратель чаще других мог относиться к заключённым даже по-человечески, и “...держится он не как тюремщик их, а как просто хороший человек” (1969: 590). Большинство надзирателей всё-таки были люди необразованные, и Солженицын напоминает нам о давно знаменитой правде, что “Неограниченная власть в руках ограниченных людей всегда приводит к жестокости” (1974б: 532):

Год от года они на своей службе грубоют и не заметишь на них ни облачка сожаления к мокнущим, мёрзнущим, голодным, усталым и умирающим арестантам. Заключённые перед ними - так же бесправны и беззащитны, как и перед большим начальством, так же можно на них давить - и чувствовать себя высоким человеком. И выместить злость, проявить жестокость - в этом преграда им не поставлена. А когда бьёшь безнаказанно - то, начав, покинуть не хочется. (Солженицын 1974б: 540-541.)

2.3.2.5 Медицинское обслуживание

Согласно принципам современной системы наказаний, в каждом карательном учреждении должен быть организован медицинский отдел, в состав которого включаются и психиатрические службы. Значение психиатрического обслуживания в тюрьме является двойным, потому что, во-первых, стремятся действовать на изменение характера заключённого в желанном направлении, и, во-вторых, желают предотвратить вредные последствия, вызванные заключением. Медицинское обслуживание заключённых, к сожалению, не всегда и не везде достигнет уровня общественного здравоохранения населения.

В Советском Союзе, в 40-50- годах, медицинское обслуживание заключённых было несравненно ухудшено, и тюремного врача можно было сравнивать

даже с палачом. Солженицын того мнения, что до 1932 года, врачи ещё могли быть врачами, но после того, как тюремная санитария была в 1932 году передана полностью в ГУЛаг, целью работы врачей стала помогать угнетению и быть могильщиками (1974б: 211). Врач помогал и следователям, и если подследственного забили до смерти, "...он подписывает протокол: смерть от цирроза печени, инфаркта" (1974а: 215). Кажется, что если в советской тюрьме кого-то лечили, лечили по числу. Врач имел право освобождать от работы, например, только двух заключённых в день, и делалось эта не всегда на основе состояния здоровья, а чаще на основе платёжеспособности заключённого. Случалось и так, что санитар вообще не был санитаром, и уколы делал шарлатан - без никаких медицинских знаний (Солженицын 1974б: 260).

Сегодня в России организация медицинского обслуживания заключённых исходит из содержания конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Недостаток денег, конечно, усложняет устройство медицинского обслуживания в тюрьмах, и последствия могут быть роковыми. Самое серьёзное последствие - туберкулёз. Туберкулёзом заражены и тюремные служащие, через которых болезнь распространилась из тюрем в другие места, не только в России, а, например, также в Швецию. В 2000 году, в Лебедеве два туберкулёзных отделения, где пациентов было больше, чем мест, около 300. Тюремная больница по закону должна располагать необходимыми лекарствами, но денег просто не хватает на лекарства для заключённых. Это вызывает ещё новые проблемы, и раз больные не пройдут полного курса лечения, бактерия станет иммунной. Около 10 % пациентов туберкулёзных отделений в Лебедеве болеют этой бактерией, лечение которой будет очень дорогим. (Селиверстов 2001: 374-375, 527; Thunander 2000.)

Заключённые в российских тюрьмах болеют многими серьёзными болезнями. Авитаминозные и венерические болезни являются обычными, и например в Лебедеве десятки ВИЧ-инфицированных. Только самых больных лечат в больнице, в которой мест мало. Если тюремная больница не способна оказать медицинскую помощь, по закону заключённых можно разместить также в больницах общей системы здравоохранения с организацией охраны. Заключённые

имеют и право обратиться за лечением в систему платных медицинских услуг за свой или за счёт родственников. (Селивёрстов 2001: 376; Thunander 2000.)

2.3.3 Работа - часть наказания

В старой системе наказаний тело наказанного становилось имуществом правителя, который клеймил своё имущество особыми значками. Реформаторы системы наказаний всё-таки считали общие работы самой хорошей формой наказания преступника, и, таким образом, в современной системе наказаний тело наказанного станет полезным имуществом всего общества. Наказанный служит своему обществу не только своей работой, а что важнее, также выступая предостерегающим примером. (Foucault 1975: 126.) Томас Мор описал в своём произведении “Утопия” идеальное социалистическое общество, и он предполагал уже в первой половине 16-го века самые тяжёлые и унизительные работы поручать преступникам, которые будут существовать и в социалистическом обществе.

Примерно 80 % всех советских заключённых трудились на общих работах, которые невозможно даже перечислить, и можно повторять слова Солженицына, что “Легче перечислить, чем заключённые никогда не занимались: изготовлением колбасы и кондитерских изделий” (1974б: 581). На лесоповале, который был самой старой работой Архипелага, как и на других тяжелейших общих работах, т.е. на строительстве дорог, на трассах, в каменных карьерах и на шахтах, заключённые в среднем выдерживали не более трёх месяцев. От советских заключённых в исправительно-трудовых лагерях требовали ускоренных темпов на стройках коммунизма и нормирование работы описывалось “...таким, каким оно не может быть на земле” (1974б: 159). Выполнить такую норму не мог даже сытый, здоровый и бодрый человек, чудо ли, что голодному, слабому и угнетённому заключённому выполнить норму было совсем невозможно. (Антонов-Овсеенко 1999: 189-190; Солженицын 1974б: 196).

Временами работа заключённых критикуется в том, что она приводит к безработице, но обвинение глупое: например, в Финляндии заключённых в мае 2001 было 3170 (ESS 11.5.2001), и согласно данным министерства рабочей силы безработных - 297 000. Вообще, ныне работа заключённых не принимает очень широкие размеры и является незначительной в производственном отношении. В Советском Союзе ситуация, конечно, была совсем другой, так как бесплатная работа многомиллионной группы заключённых играла значительную роль в государственной экономике. Работа заключённых всё же уже не важна своей производительностью, а она будет главным фактором в отбывании наказания, так как работа, в общем, имеет действие на человека, и заключённый привыкает к послушанию и порядку, и это будет способствовать его возврату в общество. В этом же смысле и выплата заработной платы заключённому считается нужной. (Foucault 1975: 273-274, 305.) От советского заключённого также требовали исправления, хотя ему было предназначено не возвратиться в общество после отбывания срока наказания, а погибнуть в общих работах. Эти работы, если чему-то учили, то учили ненавидеть физический труд, и труд вообще.

В разных регионах Советского Союза перед войной основывали шарашки, где трудились блестящие учёные, каждый занимаясь своей специальностью. После горького лагерного опыта шарашка казалась раem, так как питание здесь было нормальное и режим - сносный, ведь “Доказано, что высокие настриги шерсти с овец зависят от питания и от ухода” (Солженицын 1969: 15). За боязнь очутиться вновь в лагере, заключённые-учёные неистово работали в самых разных областях науки и техники, в том числе, в самолётостроении, ракетостроении и даже в производстве атомной бомбы. Мучения, причиняемые им шарашечной работой не были телесные, а всё же значительные - духовно. (Антонов-Овсеенко 1999: 261, 393.)

Работа является важной частью наказания, и заключённые, принимающие этот факт, исполняют свои обязанности хорошо, получая взамен разные льготы. Они также выбираются на самые выгодные посты, которыми в тюрьме считаются ремонтные работы, работа в библиотеке или в медсанчасти. Все эти ключевые позиции требуют квалификации и точности, и работу в тюрьме не надо, значит, считать просто обязанностью, так как она даёт заключённому,

кроме заработной платы, возможность освоить профессию или работать по своей специальности. Заключённый, исполняющий свои обязанности хорошо, обычно чувствует себя достойным человеком и сохраняет своё самоуважение лучше других, и, таким образом, работу можно считать и правом заключённых. (Foucault 1975: 305; Lipsonen 1997: 132; Todorov 1999: 66.)

Право заключённых на работу везде не осуществляется. В России, согласно статьи 103 УИК РФ, труд тюремных заключённых организуется только на территории тюрьмы. При отсутствии возможностей создать специальные цеха, труд организуется по камерам, и выбор видов труда очень ограничен. В 1994 году доля безработных в тюрьмах была уже 66 %, и их количество увеличивается постоянно. В Лебедеве заключённые заботятся о всех работах в тюрьме, кроме охраны, но всё же многие проводят время спя, так как им нечего делать. В этом случае принудительное бездействие можно считать даже телесным наказанием, потому что заключённые должны бродить изо дня в день в тесных, переполненных камерах, где зимой холодно и летом нестерпимо жарко. Возможности общеобразовательного обучения тоже ограничены в российских тюрьмах, и в Лебедеве уроки дают только некоторым из несовершеннолетних заключённых. (Селиверстов 2001: 404-405; Thunander 2000.)

2.4 Права человека и лишение свободы

Заключённый имеет разные права, которые определены частью в декларации прав человека, и частью - в законах того государства, в котором он находится в тюремном заключении. Каждое государство издает свои законы, принимая во внимание общественные, экономические и географические условия, а установленные этими законами права заключённых должны согласовываться с всеобщими правами человека. Эти универсальные права человека основываются на принципах равенства, справедливости и свободы. Права человека выражают свободу человека, и никто не может лишить человека его естественных прав. К

этим естественным правам относятся право на жизнь, на личную неприкосновенность, на свободу совести, мнений и убеждений, и право на автономию в сфере частной жизни. В современном мире декларациями прав человека стремятся к тому, чтобы никто уже не мог пострадать от насилия и пыток, быть дискриминирован или жить в рабстве. (Лукашева 2001: 1, Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 18.)

В современном цивилизованном обществе свобода принадлежит всем его членам одинаково, и, само собой разумеется, лишение свободы считают наказанием. Заключённый теряет свою свободу на срок, определение которого мы выше обсуждали (2.3.1). Лишение свободы является центральным содержанием заключения, но ограничение свободы приводит и к другим ограничениям жизни человека. У заключённого уже нет права на частную жизнь, как и нет права на удовлетворение личных потребностей или права на свободу выражения и собраний и т.д. Кажется невозможным заданием лишить человека его свободы без прикосновения к его правам человека. Следует, значит, развивать такие формы наказания, исполнение которых не предусматривает отделение человека от общества. (Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 18-19.)

2.5 Тюремное заключение с точки зрения арестанта

Заключённый сам никогда не может быть доволен выполнением своего наказания, несмотря на то, что в глубине души он знает, что был правильно приговорен к тюремному заключению. По мнению заключённых невиновных в тюрьмах не содержат, ведь "...никакая кара в этой земной жизни не приходит к нам незаслуженно" (Солженицын 1974б: 600). Заключённому всё же кажется, что в течение своего срока он должен отплатить не за то преступление, за которое осужден, а его как бы накажут ещё за то, что находится в заключении. (Teittinen 1993: 147, 157.)

В заключении человек теряет, кроме свободы, часть своей индивидуальности. Он одевается в арестантскую одежду, его имя заменяют номером, и он должен отказаться даже от своих привычек. Ему ясно, что он лишен свободы, но одна свобода у него останется, это - свобода решения. Заключённый может сам решать, как он относится к своей жизни в заключении: хочет ли он стать духовно заключённым или свободным. Советские заключённые тоже имели эту возможность, ведь "...лагерщики отнюдь не посягают на строй твоих мыслей. Они не пытаются ввинчивать твои мозги и закреплять их на месте. И это создаёт ощущение свободы гораздо большее, чем свобода ног бегать по плоскости" (Солженицын 1974б: 594).

Есть, конечно, люди, которые не выносят тюремную жизнь. Одни из них постоянно наносят вред себе, чтобы попасть в больницу, и некоторые решают даже покончить с собой. Условия в современной - по крайней мере, в финской - тюрьме такие, что нормальный человек может их снести, и можно предполагать, что люди, решавшие покончить с собой, вероятно, так сделали бы и на воле. Такое решение, правда, легче принимается в тюрьме, потому что в этом закрытом обществе человеку будет гораздо труднее разрешить свои проблемы. Самоубийство является самой крайней мерой в борьбе заключённого с тюремным наказанием. (Lipsonen 1997: 214.)

Заключённые сопротивляются наказанию, и общая форма их сопротивления - побег. Побег может быть или конкретный побег из тюрьмы или духовный побег, который более обычный. Сегодня много говорят о наркотиках, что является серьёзной проблемой также в тюрьмах. Само явление всё же не новое, так как заключённые всегда обвинялись в употреблении разных наркотических веществ, и в этой области они оказались очень изобретательными. Советские заключённые в 40-50-х годах догадались заваривать "...пятьдесят грамм чая на стакан - и в голове виденья" (Солженицын 1974б: 218). В финских тюрьмах раньше готовили брагу, а позже придумали новые способы "побега". Заключённые, например, ели мускатные орехи и пили дезодорант. В мир видений, конечно, можно убегать без всяких химических препаратов, с помощью литературы. (Lipsonen 1997: *passim*.)

Несмотря на всякие сопутствующие явления заключения, человеку возможно жить в тюрьме, когда только освоится с порядками в доме. Говорят, что незнание, предрассудки и страх делают тюрьму более страшной, чем она есть. На самом деле человек, угодивший в тюрьму, продолжает по-старому думать, говорить, двигаться, есть и спать. После того, как он побеждает свой страх, он замечает, что тюремная жизнь содержит радость, прекрасные мысли и надежды также, как и жизнь на свободе. (Lipsonen 1997: 96.)

3 ТЮРЬМА

В старое время мир китайцев кончался за китайской стеной. Позже китайцы заметили, что мир тянется и за стеной, но этот мир им не очень нравился никогда. Тюремную стену можно сравнивать с китайской стеной, так как она отделяет мир вольных от мира заключённых, которым вольные, в общем, не очень интересуются. Высокая тюремная стена символизирует мощь карательной власти и станет ограничивающей, когда определяет свое значение законами, декретами и распоряжениями: тюремная стена же окружает зону, на которой люди оказываются за какую-то вину. Эта зона отделена от остального мира, и жизнь вне стены становится мифом. (Foucault 1975: 132; Teittinen 1993: 18.)

Отделение человека от преступной деятельности и общества является особым предупреждающим действием тюрьмы. Общество, желающее уменьшить преступность, разрешает тюрьме сделать противной жизнь тех, кто своими преступлениями мешает жизни других. Тюрьма должна устрашать членов общества, чтобы они не совершили преступления. Это называется общепредупреждающим действием тюрьмы, которое сегодня считается наиболее важным. Здесь противоречие с практикой, так как исполнение наказания в тюрьме является тайным, и без правдивого сообщения между тюремной властью и обществом тюрьма не может выполнить свою важнейшую задачу. (Matinpuro 1981: 3.)

В 40-50-х годах не было сообщения между обществом и Архипелагом лагерей, раскинутым по всей той же территории, что и Советский Союз. Весь Архипелаг ГУЛаг был секретом полишинеля, и только бывшие заключённые имели точное знание о нём, а остальные только знали - бояться. Советской особенностью можно считать и то, что тюремная зона не всегда была четко отделена от вольного мира:

...мы счастливо неслись или несчастливо брели мимо каких-то заборов, заборов, заборов - гнилых деревянных, глинобитных дувалов, кирпичных, бетонных, чугунных оград. Мы не задумывались - что за ними? Ни глазом, ни разумением мы не пытались за них заглянуть - а там-то и начинается страна ГУЛаг, совсем рядом, в двух метрах от нас. (Солженицын 1974а: 18.)

В том, что зону не окружали мощной стеной, речь, конечно, не шла об открытости. Ситуация же была такая, что каждый человек мог когда угодно сам попасть в мир заключённых, на который им и взглянуть не хотелось. Люди даже делали вид, якобы не видели то, что видели, ведь все эти хорошо замаскированные двери в заборах были приготовлены для них. Эти люди не напрасно боялись за свое существование на земле, так как тюремная жизнь, как мы выше уже упомянули, является мифом. Заключённые как-то странно перестают быть реальными людьми и станут, по мнению Солженицына, невидимыми невольниками, имеющими плоть, объём и вес. (1974а: 18, 489.)

3.1 Тюремная дисциплина

Тюрьма - как строгая казарма, беспощадная школа и мрачная мастерская, и по качеству она не отличается от них, ведь в тюрьме человек так же должен привыкнуть к дисциплине и порядку. Дисциплиной стремятся не только предотвратить бегства заключённых и нарушения тюремного порядка, а к защите безопасности и заключённых и тюремных служащих. Тюремная дисциплина, которая не позволяет нарушения прав человека, устанавливается законом, чтобы

тюремные служащие не могли относиться с заключёнными произвольно. (Foucault 1975: 263.)

Важно, что тюрьма имеет правила внутреннего распорядка, в которых ясно определяется поведение, за которое следует дисциплинарное взыскание; виды дисциплинарного взыскания, и должностные лица, имеющие право определить меру взыскания. Эти правила должны быть предъявлены в письменном виде всем новым тюремным служащим и всем заключённым, а неграмотным заключённым правила должно пояснить устно. В правилах внутреннего распорядка упоминаются права заключённого, в том числе право обжаловать дисциплинарное взыскание. (Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 48.)

В странах, где практика содержания заключённых нуждается в реформах, правила внутреннего распорядка тюрьмы обычно также устаревшие. В общем, эти правила должны быть временами пересмотрены и модернизированы так, чтобы соответствовать законам государства. В России производят постоянную реформу уголовно-исполнительного законодательства, и сегодня в тюрьмах соблюдают *Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений* от 30 мая 1997 года, в которых определяются, как это и должно быть, например, условия содержания заключённых в штрафных изоляторах и одиночных камерах. (Селиверстов 2001: 47; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 48.)

3.2 Дисциплинарные взыскания

Согласно минимальным стандартным правилам обращения с осуждёнными, заключённого, который нарушает правила внутреннего распорядка тюрьмы, можно наказывать только после того, как проведено следствие по нарушению, нарушение доказано, и заключённый выразил свой взгляд на обвинение. Определение дисциплинарного взыскания является задачей самых высших по званию тюремных служащих, и в Финляндии, меру дисциплинарного взыскания определяет или начальник или дирекция тюрьмы, в зависимости от тяжести

нарушения, и вида взыскания. Самые серьёзные нарушения правил тюрьмы, нарушающие также уголовный кодекс, разбираются в суде. (Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 49-50.)

Произвол в тюрьме запрещен международными документами о содержании заключённых, и поэтому дисциплинарное взыскание должно соответствовать нарушению. Несмотря на запрещения, во многих странах всё ещё имеется произвол в тюрьмах, и меры произвольного взыскания такие ужасные, что поддержание дисциплины основывается на страхе. В Советском Союзе также верили в силу страха. Правил внутреннего распорядка нигде не было в письменном виде, и заключённым было невозможно узнавать об этих правилах. Тюремные служащие могли сами определить нарушения правил, придуманных ими, и потом произвольно наказать заключённого, кто “...не угодил начальнику, не так поздоровался, не во время встал, не во время лёг, опоздал на проверку, не по той дорожке прошел, не так был одет, не там курил...” (Солженицын 1974б: 406).

3.2.1 “Одиночка”

Одиночка является самым обычным дисциплинарным взысканием. В минимальных стандартных правилах выражается, что применение одиночки исключительное мероприятие, и ясные правила применения ее считаются необходимыми. Когда мерой дисциплинарного взыскания будет определена одиночка, тюремный врач должен исследовать заключённого и свидетельствовать, что взыскание не будет вредить его здоровью. Строжайше запрещается прибавлять к изолированию в одиночке других мер взыскания, как например сокращение питания. (Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 55, 57-58.)

В Советском Союзе карцер, т.е. одна форма штрафного изолятора, был запрещен исправительно-трудовым кодексом 1924 года, и ИТК 1933 года, действовавший до 60-х годов, запретил изолирование в одиночную камеру. Несмотря на установления, советская тюрьма всегда применяла штрафной изолятор, и

изменилось лишь его название. В изоляцию обычно включали и сокращение питания и насилие. (Солженицын 1974б: 405.)

Заключённые попадали в карцер за самые разнообразные дисциплинарные проступки: за то, что не обновили номера в пору, или хранили записи. В праздничные дни, в карцер переводили заключённых, которых тюремное начальство хотело наказать за их прежние дисциплинарные проступки. Ныне правила ООН запрещают такое необоснованное, повторное изолирование заключённого, потому что одиночество может повредить здоровью человека, и, таким образом, отмена произвольной изоляции является служебной обязанностью тюремного начальства. (Солженицын 1969: 193; 1978: 22; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 56.)

Карцер позже заменялся штрафным изолятором, который был таким же холодным, тёмным и голодным как карцер. В штрафном изоляторе заключённого держали иногда даже год, хотя нельзя было держать в ШИзо больше пятнадцати суток, но Солженицын правильно отметит, что согласно исправительно-трудовому кодексу с 1933 года, и это было запрещено. (1974б: 406.)

Сегодня в правилах ООН, запрещается изолировать заключённого в камеру без окна и кондиционирования воздуха, независимо от причины наказания. Уголовно-исполнительным кодексом России запрещено использовать в качестве дисциплинарного взыскания заключение в тёмной камере и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие человеческое достоинство меры. В Лебедеве всё ещё имеется в употреблении подземные изоляторы, которые напоминают карцеры средневековых тюрем, так как там крысы, зимой холодно и летом душно. В таком изоляторе, по закону, несовершеннолетних нельзя держать дольше одной недели, но и этот закон не всегда соблюдаются. (Селиверстов 2001: 528; Thunander 2000.)

В финских и российских тюрьмах за дисциплинарные проступки заключённого можно наказать переводом в штрафной изолятор, и самый долгий срок у нас 12 суток, а в российских тюрьмах - 15 суток. Долгосрочное изолирование в одиночке можно уже считать пыткой мерой, и, таким образом, оно запрещается правилами ООН, как и изолирование на неопределённый срок. (Keskimaunu 1995: 62; Селиверстов 2001: 354; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 56.)

3.2.2 Сокращение питания

Сокращение питания уже не считается приемлемым дисциплинарным взысканием. Если к нему всё-таки прибегают, заключённый исследуется тюремным врачом, который должен свидетельствовать, что заключённый в таком состоянии здоровья, что взыскание не будет вредным для него. В Финляндии уже не применяют сокращение питания в качестве дисциплинарного взыскания, но право заключённых делать покупки можно ограничить или приостановить на срок. В российских тюрьмах заключённые, находящиеся в штрафном изоляторе, всё-таки питаются по пониженным нормам, им запрещается приобретение продуктов питания и получение посылок. (Keskimaunu 1995: 61; Селиверстов 2001: 357.)

В советских тюрьмах, за исключением шарашек, сокращение питания являлось широко применяемым дисциплинарным взысканием. Сокращение питания часто прибавляли к изолированию в штрафной одиночке, и заключённый получал, например, 200-300 граммов хлеба в день, а горячее блюдо, т.е. пустую баланду, лишь каждый третий день. Большинство советских заключённых питалось недостаточно, и таким образом посылки с продуктами от семьи им были крайне нужны, но упрямый заключённый обычно терял также своё право получать посылки. Шарашечных заключённых обычно не наказывали сокращением питания, так как им надо было нормально питаться, чтобы продолжать полноценно работать. (Солженицын 1969: 671; 1974б: 406.)

В Сухановской тюрьме, в которую переводили злостных нарушителей тюремного режима, имелась особая форма сокращения питания. Заключённых там кормили, как пишет Солженицын, санаторной, ароматной нежной едой, а порции были очень маленькие: одна восьмая часть котлеты, полблюдечка бульона и две стружки жареного картофеля. В действительности, заключённых, значит, не кормили, а им только "...напоминали об утерянном". (Солженицын 1969: 207-208.)

3.2.3 Наручники

Наказывать заключённого за дисциплинарный проступок заковыванием в кандалы запрещается правилами ООН, в которых запрещены и наручники, цепь и смирительная рубашка. Когда считается необходимым связать заключённого, следует употреблять самые мягкие инструменты связывания. Заключённому можно надевать наручники во время транспортировки, если он своим поведением дает основание полагать, что может совершить побег или причинить вред окружающим или себе. Во всяком случае заключённого нельзя держать связанным дольше, чем считается необходимым, и он всегда должен быть высвобожден перед входом в зал суда или бюро административныхластей. (Keskimäunu 1995: 62; Селиверстов 2001: 170; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 58.)

В Советском Союзе наручники запретили законом, который был установлен в 1924 году. За бегство и сопоставленные с бегством проступки, которым считались и шаг вправо или шаг влево во время движения, меры взыскания всегда были особенно жестокими. Если беглец оставался жив и пойман, его затягивали в наручники так, что на всю жизнь в лучезапястных суставах была потеряна чувствительность. (Солженицын 1974б: 145, 389.)

3.2.4 Лишение прав

Заключённый имеет разные права, не входящие в основные права заключённых, тем больше, чем лучше он ведет себя в тюрьме. Ныне такими заслуженными правами являются, например, право делать покупки, хранить товары у себя в камере или право на увеличенное время прогулки и т.п. Эти права можно ограничить или лишить на определённый срок, если заключённый провинится в нарушении тюремной дисциплины. В Финляндии, тюремный начальник может определить лишение прав на две недели, а тюремная дирекция на срок до тридцати суток.

Лишние должно всегда быть направлено на право, с которым связано нарушение. (Keskimaunu 1995: 61-62; Селиверстов 2001: 351.)

Советские заключённые в 40-50-х годах тоже могли заслужить хорошим поведением разные права. Самым дорогим из этих прав было бесконвойность. Варлам Шаламов пишет, что “Бесконвойное хождение на работу всем по-серьёзному нравилось, составляло предмет гордости и похвалы” (1982: 143). Сегодня заключённые в финских тюрьмах таким же образом оценивают своё право на отпуск, которое они считают знаком доверия со стороны тюремного начальства. Отпуск предоставляют регулярно заключённым, удовлетворяющим четко определённым требованиям. Каждый из этих заключённых очень старается хранить это право, которое ему позволяет чувствовать себя достойным человеком. (Lipsonen 1997: 99.)

В 40-50-х годах советским и финским заключённым надо было заслужить и многие из таких прав, которые сегодня являются основными правами всех заключённых, определёнными правилами ООН. Право на переписку и право на свидания в тюрьме тогда уже не давали всем, но эти права всё-таки можно было заслужить хорошим поведением. (Matinpuro 1981: 44; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 109.)

3.2.5 Перевод в другую тюрьму

Вполне целесообразно переводить заключённого в другую тюрьму, когда это входит в наказание, т.е. его надо караулить строже, или когда заключённый сам просит перевод. В дисциплинарное взыскание, всё же, часто включается неосновательный перевод заключённого или в другую камеру или тюрьму, хотя это можно считать усилением взыскания, запрещенным правилами ООН, по которым за одно нарушение запрещено налагать два или больше взысканий. Перевод заключённого в другую тюрьму считается усилением дисциплинарного взыскания, потому что перевод всегда является значительной переменой в его и так

ущербной жизни. Особенно значительным считается перевод заключённых, которые только что привыкли к тюремной жизни и к своим друзьям по тюрьме. Они же должны опять всё начинать сначала. Так как заключённый сам всегда не знает, за что будет перемещен, ему трудно обжаловать неправильное взыскание. (Lipsonen 1997: 94; Селиверстов 2001: 356; Vähimäissääntöjen soveltaminen 1998: 60.)

Для советских заключённых перевод мог быть и роковым, так как севший в переполненный вагон для заключённых никогда не знал, сможет ли он из него выйти: ехать зимой было страшно и опасно, и летом - также не сладко. По назначению высоких лиц некоторые заключённые переезжали спецконвоем, условия которого были гораздо лучше, чем условия выше описанного общего этапа, и этот вид транспорта почти не отличался от вольной езды. В городах, заключённых развозили чёрные воронки, которые наводили ужас на вольное население. Эти серые и чёрные машины исчезли с московских улиц в 40-х годах, когда их заменили фургонами, которые конструировали, как продуктовые машины с невинными названиями *Хлеб*, *Овощи* или *Мясо*. (Антонов-Овсеенко 1999: 238; Солженицын 1974а: 567, 581.)

Заключённых, уличенных в любовной связи или возражающих надзору, можно было отправлять на этап. Нередки случаи, что также ни в чём не виноватые заключённые попадали на этап - по ложному доносу. Этап, независимо от причины отправления, всегда доставлял много неприятностей заключённому. Ему надо было разлучиться с друзьями, оставить позади знакомую окружающую среду и терпеть обиды этапа. Притом, он много раз был должен расстаться с дорогими для него вещами, также с письмами от семьи. Касалось это, в основном, спецзаключённых, которым не разрешалось, уезжая из шарашки, везти с собой ни клочка написанного, нарисованного или печатного. (Солженицын 1969: 792.)

3.3 Тюремные служащие

Тюрьма - общество в миниатюре. В тюремном обществе члены его также зависимы друг от друга, хотя власть здесь разделяется неравно. Отдельный заключённый не пользуется почти никаким влиянием, но всё же тюремная атмосфера зависит от всех заключённых и тюремных служащих. Условия в тюрьме определяют взаимоотношения заключённых, так что в хороших условиях обычно имеется созвучие и в тяжёлых условиях - эгоизм. Тюремным служащим, конечно, легче общаться с заключёнными, когда их взаимные отношения являются хорошими. На отношения между заключёнными можно влиять, и каждый тюремный служащий, чувствующий ответственность за свою работу, по возможности, стремится способствовать терпимости заключённых друг к другу и, конечно, поддерживать с заключёнными хорошие отношения. Взаимоотношения между тюремными служащими также важны, так как взаимная солидарность дает тюремному персоналу силы и доверие, которые им очень нужны в этой ответственной службе. (Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 157.)

Тюрьма - завистливая среда работы, как всякий институт со строгой иерархией. Речь здесь идёт о власти, и известно, что неверноупотребляемая власть ведёт лишь к нетерпимости и зависти. Таким образом, правила ООН советуют не применять военную дисциплину в тюрьме, потому что в более свободных условиях работы, тюремный служащий имеет больше возможностей лично участвовать в достижение общих целей и чувствовать личную ответственность за свою работу. В особенности, подчеркнуто, что практика содержания заключённых в тюрьме должна быть гибкой, чтобы было возможно преобразовать её по мере надобности. (Lipsonen 1997: 125; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 158-159.)

Работа тюремного служащего является ответственной и опасной, и поэтому, в правилах ООН определены основные требования, которым претендующие на должность тюремного служащего должны отвечать. Сегодня от тюремного персонала требуют ума и хорошего образования, т.е. высшее или среднее специальное образование. Психологические тесты можно также осуществить, и

таким образом измерить человеколюбие претендента, так как очень важно, чтобы в тюремный персонал не входили люди, желающие работать в тюрьме только для того, чтобы могли разорять жизнь заключённых. (Селиверстов 2001: 147; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 160.)

Сегодня тюремные служащие, также в России, люди умные и образованные, но всегда так не было. В сталинское время во всем Советском Союзе ум вообще не ценился, и тюремные служащие были, по большей части, люди малограмотные: около 80 % из них одолели низшую образовательную ступень, и высшую - только 4 %. “Дармоеды эти, лбы широкие, хуже любого пастуха считают: тот и неграмотен, а стадо гонит, на ходу знает, все ли телята. А этих и натаскивают, да без толку” (Солженицын 1978: 112). Заключённых очень бесило стоять на морозе целые часы только потому, что надзиратели не умели считать, и им надо было много раз пересчитывать заключённых. Хуже этого, конечно, было то, что малограмотные надзиратели легко изливали свою ненависть на заключённых и пытали их. (Антонов-Овсеенко 1999: 232.)

Ныне при выборе тюремных служащих обращается особое внимание на умственную способность претендентов и на их отношение к заключённым. Необходимо же понимать, что заключение для человека крайне мучительное наказание, которое не надо усиливать. Тюремный служащий, преданный своей работе, стремится к улучшению тюремных условий и практики содержания заключённых. С заключёнными следует обходиться как с равными, держа в памяти, что поведение каждого тюремного служащего влияет на отношения между заключёнными и персоналом тюрьмы. (Селиверстов 2001: 148; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 162.)

Тюремные служащие, находящиеся в тюрьме в добровольном пожизненном заключении, должны помнить, что заключённые там только на побывке. Обходясь с заключёнными положительно, тюремный служащий может помогать им укреплять хорошие свойства и усмирять плохие свойства характера. Тюремный служащий, который относится хорошо к заключённым, послужит тоже положительным примером для них, и улучшит своим поведением возможности тюрьмы исполнить свою ответственную, исправительную задачу. (Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 163.)

3.3.1 Тюремный служащий в роли члена группы

Групповой дух среди тюремных служащих является тесным. Выступая в роли члена группы, тюремный служащий как бы теряет свою индивидуальность, и это мешает ему относиться к заключённому как к равному человеку. Тюремный служащий обычно ведет себя официально в присутствии сослуживцев. Может быть, что тот же тюремщик, когда останется вдвоём с заключённым, угощает его сигаретой и разговаривает с ним как с другом. Возможно, конечно, что это не его характер, а другая роль - он только хотел бы быть таким. Во всяком случае, поведение многих тюремных служащих меняется в присутствии сослуживцев. (Lipsonen 1997: 127.)

В советских тюрьмах групповой дух служащих не всегда был подлинным, а основывался на взаимном страхе, ведь каждый мог донести на каждого. Сам начальник тюрьмы боялся подчинённых ему тюремных служащих, которые осторегались и друг друга. Не удивительно, что в присутствии сослуживцев им надо было вести себя согласно уставу. Солженицын заметил и описал разные роли тюремных служащих, из которых Наделашин, с кем мы знакомимся в романе *В круге первом*, является хорошим примером тюремного служащего в роли члена группы. Наделашин относится к заключённым или официально или по-дружески - смотря по обстоятельствам. Будучи один с заключёнными, он заменяет приказы просьбами и, улыбаясь, отвечает на заданные ему пустые вопросы. Во время проверки, когда присутствует другой надзиратель, поведение Наделашина уже совсем другое. Он отвечает лаконично на вопросы заключённых, и даже делает вид, что якобы не слышит их просьбы. Следует отметить, что выступая и в официальной роли члена группы, Наделашин всё-таки никогда не был груб с заключёнными.

3.3.2 Тюремный служащий в авторитарной роли

В тюрьмах всегда было сравнительно много надзирателей, относящихся к заключёнными как к бесправным рабам. Советским надзирателям в 40-50-х годах авторитарная роль казалась вполне естественной, так как им было объяснено, что заключённые, эти враги народа - отребье человеческого рода, они являются людьми “...не достойными той русской речи, которою они, к сожалению, владеют” (Солженицын 1969: 38). Это, конечно, способствовало отрицанию ими человеческого достоинства заключённых и, считая их рабами, обращению с ними жестоко и равнодушно.

Заключённый считался рабом, и тюремным служащим хотелось извлечь пользу за счёт бесплатного рабского труда. Солженицын посвятил несколько страниц романа *В круге первом* инженеру-полковнику Яконову, который сам когда-то был зэком. Яконов, который очень боится вновь попасть в мир заключённых, вызывает в свой кабинет заключённого Сологдина, который мог бы своим изобретением спасти его. При случайных встречах в коридоре шарашки, он никогда не обращал внимания на Сологдина, ведь этот заключённый же ему кажется личностью столь незначительным. В своём кабинете боязливый Яконов всё-таки “...одобрительно посмотрел на вошедшего и широко пригласил: - Садитесь, Дмитрий Александрович, очень рад вас видеть” (1969: 635).

Во всех крупных лагерях функционировали театры заключённых, и всякий ничтожный лейтенант мог вечером приехать в лагерь и приказать, что он хочет концерт через десять минут. Заключённых поднимали с постели, и вскоре они пели и играли перед пьяным лейтенантом и несколькими надзирателями. (Антонов-Овсеенко 1999: 212; Солженицын 1974б: 488.) Авторитарная роль выражалась и так, что заключённому словом и делом напоминали о его низком положении. Некоторые тюремные служащие просто не могли проходить мимо заключённого, чтоб не причинить ему зла. Было много бессмысленных приказов, которыми тюремное начальство только хотело показать свою власть над заключёнными. У Солженицына есть несколько хороших примеров таких распоряжений, из которых один звучает так: “...перед надзирателем за пять шагов

снимать шапку и два шага спустя надеть” (1978: 15). Надзиратель, выступавший в авторитарной роли, мог даже сажать заключённого в карцер за неправильное приветствие.

3.3.3 Тюремный служащий в роли наёмного работника

Тюремный служащий, который выбирает роль наёмного работника, считает свою службу противной, и он продолжает работать в тюрьме только за экономический эффект. В правилах ООН советуют, что следует гарантировать тюремным служащим вполне достаточную зарплату, чтобы не имелось нужды в приработке. По уголовно-исполнительному кодексу России заработка плата сотрудников тюремного персонала должна устанавливаться с таким расчётом, чтобы привлекать и удерживать на этой работе способных заниматься ей мужчин и женщин, и они получают повышенную заработную плату, которая освобождена от уплаты подоходного налога с физических лиц. Хорошей заработной платой стремятся к тому, что невозможно подкупить тюремных служащих, ведь коррупция мешает тюрьме выполнить свою задачу. (Lipsonen 1997: 127; Селиверстов 2001: 158; Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998: 164.)

В Советском Союзе тюремные служащие зарабатывали хорошо, и даже в годы войны, как пишет Антонов-Овсеенко, “...им доставались лучшие куски скучного государственного пирога” (1999: 205). Кроме высокой зарплаты, они получили разные процентовые надбавки, например, за опасность, за полярность, и за отдалённость. Также стаж был выгодно рассчитан, и офицер, отслуживший десять лет, мог уже выйти на полную пенсию. (Солженицын 1974б: 529.)

Работа в тюрьме, конечно, не нравилась всем надзирателям. Наделашин (см. 3.1.1) хотел быть портным, а случайно попал в надзиратели. Хотя ему и нравилось послушать разговоры заключённых, он несомненно косился на свою службу и “После дежурств в накаленных безумием коридорах его успокаивал шорох ткани, мягкая податливость складок, беззлобность работы” (Солженицын

1969: 208). Другой солженицынский надзиратель уже не соблюдает устав чрезмерно, так как ему просто надоело быть собакой. Солженицын лично вспоминает из лагеря Новый Иерусалим надзирателя Сенина, которого можно считать самым хорошим примером тюремного служащего в роли наёмного работника. Сенин был ещё студентом, и студентам деньги всегда очень нужны, но ему так было стыдно работать в МВД, что он надевал свою форму, только приезжая на дежурство, и, уезжая, снимал, так как он просто не хотел быть виден в ней по городу. (Солженицын 1974б: 354.)

Надзиратели, которые продолжают свою службу в тюрьме, имея единственным мотивом деньги, относятся к заключённым каждый по-своему. Наделашин, как мы помним, никогда не был груб и будучи вдвоём с заключёнными вел себя по-дружески. Надзиратель, которому надоело быть собакой, дает заключённым самим решать, что будут делать, потому что он уверен, что “взрослые люди, которым завтра на работу, поспать не забудут” (1969: 562). Зато, Сенин мог без трудностей хоть посадить заключённого в карцер (Солженицын 1974б: 354).

3.3.4 Советские тюремщики в 40-50-х годах

“Заживо обожествлённый всё знает доконечно, ему не надо читать, учиться, и никто не может сообщить ему ничего, достойного размышления” (1974б: 526-527). Так пишет Солженицын о тюремных служащих, которые в Советском Союзе обычно были люди необразованные. Необразованность и жестокость частенько сочетались в тюремщиках, и это выражалось в насилии над заключёнными. Тюремщикам не было спасения от заражения трупным ядом, которым Солженицын считает власть людей, не имеющих образования и нравственности, и наслаждение властью, действительно, является общей четрой советских тюремщиков 40-50-х годов. (Солженицын 1974а: 156.)

От тюремных служащих в 40-50-х годах требовали только преданности и бдения. В общем, при назначении на должности людей, образование не имело никакого значения, так как самое большое значение придавали преданности и послушанию. Закон об обратной зависимости социального положения и человечности царил во всей стране, начиная с самой вершины треугольника власти, которую занимал Сталин. В этом государстве, где было силой подавлено всё лучшее в человеке, т.е. ум, гордость, честность, независимость и свободолюбие, гуманисты могли стать грабителями и насильниками, и добродушные люди - самыми жестокими зверями. Солженицын всё-таки такого мнения, что процент бессердечных и жестоких людей среди тюремщиков было значительно выше, чем в произвольно выбранной группе населения, так как по службе от тюремного служащего требовалось четкое исполнение директив и бессердечность к страданиям других людей. (Радзинский 1997: 168; Солженицын 1974а: 154; 1974б: 524, 542.)

Бесчеловечность - другая общая черта советских тюремщиков, так что чем выше должность, тем меньше человечность. Солженицын верит, что Богметит шельму за все его злодейства (1974б: 534), и внешность солженицынских тюремщиков тоже будет тем противней, чем выше их положение. Лицо у надзирателя высокой выучки мрачное и никогда не выражает никакого человеческого чувства, а у майора-уполномоченного лицо уже "...как у обожжённого глиняного идола с добавлением в глину розовой и фиолетовой красок" (1969: 657). Если надзиратель смотрит на заключённого непроницаемым, равнодушно-каменным взглядом, то о майоре можно сказать, что "...глаза его были невыразительны, лишены жизни" (1969: 657) и пусты особенной пустотой. (Солженицын 1969: 227, 755.)

У советских тюремщиков была ещё одна особая черта - равнодушие. Солженицыну эта черта их кажется самой удивительной. Тюремщики были, как никто другой, способны молчать, когда им задавали вопрос: ведь такими же незначительными они считали заключённых, что вопросы их - пустые. На заключённого, который только что попал в тюрьму, они смотрели как на какую-то давно знакомую вещь, так как заключённый не был ни личностью, ни даже человеком.

Все тюремные служащие одинаково наслаждались применением власти над заключёнными, и даже самый жестокий из них мог успокоить свою совесть тем, что только служил своему государству и выполнил приказы высших. Эти люди, которых Солженицын хорошо описывает в образе майора Шикина, действительно считали себя ни в чём не виновными, так как виновным всегда был кто-то другой где-то в другом месте:

Никогда мучение людей не составляло для него удовольствия или цели. Правда, вообще такие люди бывают, он видел их в театре, в кино, это садисты, страстные любители пыток, в них нет ничего человеческого, но это всегда или белогвардейцы, или фашисты. Шикин же только выполнял свой долг, и единственная цель его была - чтобы никто ничего вредного не делал и ни о чём вредном не думал. (1969: 613.)

Здесь следует упомянуть, что оставшиеся в живых из советских и германских лагерей, согласны с тем, что только незначительное количество лагерных сторожей были садисты, всего лишь 5-10 %, и фанатики - до 10 %. Большинство из них были конформисты, т.е. люди, которые заботились только о своём личном благосостоянии, за которое они были готовы делать что угодно. (Todorov 1997: 122-123.)

3.4 Коллектив заключённых

Тюрьма - это миниатюра общества, и в каждом обществе существуют разные группы, члены которых имеют те же самые интересы. В тюрьме одна такая группа - персонал, и заключённые составляют другую группу, которую мы в этой маленькой главе называем коллективом заключённых.

Степень солидарности в коллективе заключённых является переменной, и заключённый может - всегда по обстоятельствам - или возражать тюремному персоналу вместе с другими заключёнными или охранять только свои личные интересы. В общем, правила вольного общества имеют мало значения в тюрьме, потому что у коллектива заключённых своя неписаная система норм поведения. Йохан Галтунг, который исследовал коллектив норвежских заключённых в 50-х

годах, собрал всего 15 норм, запрещающих, в том числе, доносительство, всякое морализирование, давление на тюварища по тюрьме, и вмешательство в его дела. Почти все из этих 15 норм всё ещё соблюдаются заключёнными в разных углах мира. (Lipsonen 1997: 88.)

Здесь мы упомянем лишь одну норму, которая имеет самое большое влияние на взаимосвязи между группами тюремного общества, заключёнными и тюремным персоналом, и таким образом, также на ежедневную жизнь в тюрьме. Эта норма советует заключённым не отдать справедливости правовой системе и тюрьме. Заключённые стараются пренебрегать тюремными служащими, так как они считают всё действие тюрьмы или бесполезным или даже вредительным. Возможностям, которые тюрьма дает им, конечно, можно воспользоваться. (Lipsonen 1997: 89.)

4 ТЮРЕМНАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР В 40-50-Х ГОДАХ

В литературе заключение является такой же вечной темой как любовь или смерть, но человеку надо самому сидеть за решёткой, чтобы суметь убедительно описывать тюремную жизнь. Благодаря властителям, которые во все времена бросали в тюрьму интеллигентов, по их мнению, вредных, в мировой литературе сегодня много блестящих произведений об этом незнакомом закрытом мире, и будут ещё новые, так как например в 1993 году около 300 писателей и журналистов попали в заключение в разных странах мира. Значит, не напрасно 15 ноября отмечается *День заключённых писателей*. (Lipsonen 1997: 19.)

Конечно, не все люди, сидевшие когда-то в тюрьме, пишут о своей тюремной жизни, так как многим из них просто хочется молчать и забыть об этом мучительном испытании. Среди бывших и нынешних заключённых есть всё-таки и люди, которые охотно расскажут свою историю, чтобы и мы поняли, что с ними случилось. Им кажется, что только так их мучения имеют какое-то значение. Так или иначе литература является основной частью тюремной культуры, культуры коллектива заключённых. (Lipsonen 1997: 20; Todorov 1997: 267.)

В общем, тюремная литература - маргинальное явление на поле всей литературы, но её можно и намеренно сокращать. В Советском Союзе при Сталине

вводилось единообразие во всей культуре, и были созданы Союзы художников, композиторов и писателей. Уже не было никаких неофициальных групп в области искусства, потому что всем деятелям культуры дали единый творческий метод, и право существовать имели только произведения, которые служили партии. Всякое отступление от метода карались увольнением из Союза, и произведения уволенных уже не могли быть опубликованными. (Радзинский 1997: 288-289).

Литература подлежала такому регулированию, что писателю часто “...казалось, что заграничная жизнь, или седая история, или даже фантазия о лунных жителях легче поддается его перу, чем окружающая его истинная жизнь, очень сложная, заминированная на тропинках тем” (Солженицын 1969: 500). Сегодня русские, вероятно, присоединяются к мнению Солженицына, что “...в тридцатые, сороковые и пятидесятые годы *литературы* у нас *не было*. Потому что без *всей* правды - не литература.” (1974б: 619.)

Цензура была тщательная, и особенно трудно - и опасно - было писать о теме заключения. Самое существование концентрационных лагерей ОГПУ было уже в 1930 году объявлено государственной тайной, и произведения о жизни заключённых нельзя было опубликовать без разрешения ОГПУ, и разрешения, конечно, практически никогда не давали. Запрещено было печатать и всякие отрицательные сведения о состоянии мест заключения. От каждого заключённого брали подпись о неразглашении тайны, и получилось, что они уже не имели права рассказать даже о своей собственной жизни. (Блюм 2000: 137.)

В Советском Союзе всё-таки опубликовали литературные произведения о запроводочном государстве, ведь вовсе замалчивать это было очень глупо. Эти произведения, конечно, писали в угоду Сталину и Берии и печатались массовыми тиражами. К сожалению, они содержали после цензуры лишь мало лагерной правды (Антонов-Овсеенко 1999: 183), и людям, испытавшим само заключение, читать такое произведение не хотелось.

Эта книга была - пирог без начинки, яйцо с вытекшим содержимым, чучело от убитой птицы: в ней говорилось о строительстве руками зэков, о лагерях, - но нигде не названы были лагеря, и не сказано, что это - зэки, что им дают пайку и сажают в карцер, а подменяли их комсомольцами... И тут же чувствовалось опытному читателю, что сам автор знает, видел, трогал правду...но с холодно-стеклянными глазами лжет. (Солженицын 1969: 234.)

Вольным людям было трудно писать, а заключённым писать было гораздо труднее. В лагере нельзя было иметь бумаги написанной, и заключённый мог держать написанное им только в своей памяти. Поэтому многие из заключённых сочиняли стихи и держали их в памяти, которая поражала своей ёмкостью, так как была освобождена от всяких ненужных в заключении знаний. Приходилось, конечно, часто повторять всё написанное, и Солженицын это делал с помощью чёток или обломков спичек. (Солженицын 1974в: 107-108.)

Некоторые люди только в заключении открывают в себе желание и способность писать. Заключение всегда оказывается огромной переменой в жизни человека, и, может быть, оно легче понимается, если о нём будут сделаны записи. Такое писание можно называть терапевтическим, и форма его совсем не важна. Многим заключённым самый близкий друг в тюрьме - дневник, но можно писать и роман, новеллы, письма и т.п. (Lipsonen 1997: 162.)

Заключённые пишут или для себя или думая об опубликовании. Например, в Финляндии в конце 90-х годов опубликовалось множество книг, написанных заключёнными. В Советском Союзе заключённым иногда удавалось передавать свои рукописи на волю, но об опубликовании и речи не могло быть. Всё-таки заключённые писали и писали, чтобы сохранить "...для вечности правду - крики души о том, что сделал Сталин с миллионами русских пленников" (Солженицын 1969: 443-444).

Солженицын сам даже не мечтал о том, что когда-нибудь в будущем своими глазами мог бы видеть напечатанной свою книгу *Архипелаг ГУЛаг*, которую он писал "...из одного сознания долга..." (1974б: 209):

...нужно или нет, чтоб я один такую написал? И насколько я это выдюжу? Но когда вдобавок к уже собранному скрестились на мне еще многие арестантские письма со всей страны - понял я, что раз дано это всё мне, значит я и должен. (1974в: 579.)

Процесс писания книги *Архипелаг ГУЛаг*, был для Солженицына очень трудным, в особенности после того, как в 1965 году были арестованы его архив и роман *В круге первом*. Всё надо было делать в глубочайшей тайне, т.е. дробить и таить материалы, и "...даже время работы над ней прикрывать работой будто бы над

другими вещами”. Так получилось, что части этого произведения ни разу не лежали у него на одном столе. (Солженицын 1974в: 579.)

Запровоночное государство покрывало около 10 % всей площади Советского Союза, но за полстолетия его долгая история не нашла почти никакого отражения в опубликованной советской литературе. Кто об этом мрачном государстве писал, тот боялся и хранил свои рукописи или в тайнике или в памяти. В 40-50-х годах людям было очень трудно даже найти язык, которым описывать мир заключённых: тюрьма была везде, только в словаре её не было. *Архипелаг ГУЛАГ* дал имя этому государству и преодолел состояние вечных рабов его, и не зря Александр Солженицын считается летописцем советских лагерей. Благодаря Солженицыну, мир советских заключённых перестал быть чёрной дырой, в которую миллионы людей исчезали бесследно. Наконец-то, появилось также слово *гулаг*, которым описывается центральный опыт 20-го века. (Бракман 1983: 5.)

5 А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В МАРФИНО

Александр Солженицын находился в марфинской шарапашке, т.е. московской спецтюрьме Марфино (Маврино в романе *В круге первом*), с июля 1947 по май 1950 года. В этой главе мы рассматриваем ежедневную жизнь спецзаключённого А. И. Солженицына в этом научно-исследовательском институте. Нас интересуют условия, в которых он работал, как он проводил своё свободное от работы время, и какие у него были дружеские отношения. Жизнь заключённого, как мы знаем, начинается с ареста, и мы коротко рассмотрим и арест Солженицына на фронте.

Нашей задаче помогают тексты самого Александра Солженицына, в основном, его роман *В круге первом*, который основан на марфинском опыте, и *Архипелаг ГУЛАГ* тоже окажется очень полезным для нас. Мы должны прибегать также к биографиям, чтобы выяснить некоторые факты (имена, даты и т.п.). О Солженицине, конечно, писали много биографических произведений, из которых мы выбрали два - *Solzhenitsyn*, написанное в 1984 году, и *Aleksandr Solzhenitsyn - A century in his life*, 1998 года.

5.1 Арест на фронте

В октябре 1941 года был мобилизован и 22-летний Александр Солженицын, работавший учителем математики и астрономии в селе Морозовск. Из-за ограничения по здоровью, т.е. неприметный броющей недостаток, он попал ездовым в обоз, в котором провёл зиму 1941-1942. В апреле 1942 Солженицын был, благодаря знанию математики, переведен в Третье ленинградское артиллерийское училище и, закончив его в конце октября, был назначен командиром артиллерийской батареи. В июне 1944 года дисциплинированный, требовательный к себе и подчинённым, лейтенант А. И. Солженицын получил два ордена - орден Отечественной Войны и орден Красной Звезды. Его произвели в капитаны. (Björkegren 1971: 29; Нива 1984: 11-12; Scammell 1984: 94, 110, 116-117, 131.)

Военное поприще капитана Солженицына кончилось в начале февраля 1945 года, когда его арестовали у Кёнигсберга на фронте в Восточной Пруссии. Чёткая дата ареста не проставлена даже в протоколе реабилитации, и в биографиях датой ареста представляется и 5 февраля и 9 февраля. Солженицын был арестован на основании цензурных извлечений, т.е. непочтительных высказываний о Сталине, из его переписки с другом Николаем Витковичем, и его обвинили в антисоветской агитации и попытке к созданию антисоветской организации. Он находился в Бутырской тюрьме в Москве, когда был осужден, 27 июля 1945, на восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Судебного разбирательства его дела не была никакого, а сделалось это решением ОСО (см. 2.2). (Björkegren 1971: 32-33; Нива 1984: 12.)

Пролистнув правую стопку, майор нашел бумажку, относящуюся ко мне. Он вытащил её, прочёл равнодушной скороговоркой (я понял, что мне - восемь лет) и тотчас на обороте стал писать авторучкой, что текст объявлен мне сего числа. (Солженицын 1974a: 283.)

5.2 Марфино - круг первый

Марфинская спецтюрьма находилась в пригороде Москвы. Раньше в этом красивом здании, построенном в стиле неоклассицизма, работала семинария и знали его тогда по названию церкви - Утоли мои печали. Нигде в другом месте, может быть, такого не сотворили, но в Советском Союзе было вполне нормально, что церковь, храм или монастырь превращали в тюрьму, и делалось это, конечно, с помощью бесплатной работы заключённых. (Thomas 1998: 165.)

Солженицын приехал в Марфино в июле 1947 года, после того, как уже видел лагеря и шарапки. Жизнь в Марфине, особенно в первые месяцы, когда ещё шли работы изменения, ему казалась более удобной, чем в шарапках в Рыбинске или Загорске. Это время, названное крыловским, в памяти заключённых вспоминалось позже как пасторальный век, и Солженицын пишет в *Круге первом*, что

Тогда можно было вечерами самочинно гулять по зоне, лежать на росеющей траве, противоуставно не скошенной (траву полагается скашивать под корень, чтобы зеки не подползали к проволоке), и следить хоть за вечными звездами... (1969: 30.)

Марфинским спецзаключённым так было хорошо жить, что многие из них могли считать старое название здания правдивым. Печали Солженицына, кажется, также были утолены, так как от голодного паркетчика уже не было и следа, и стал он довольно сытым тюремным библиотекарем. Он сортировал и разделял по темам книги и журналы по технике, написанные на английском и немецком языках, и также переводил некоторые тексты с этих языков на русский. (Scammell 1984: 229; Thomas 1998: 167.)

Сначала заключённые спали в двух комнатах на втором этаже, позже для отдыха было десять комнат на двух этажах. Здесь не было четверных вагонок как в лагере, а кровати двухъярусные с матрацем и постельным бельём, была подушка, одеяло и простыня, и рядом с кроватью был ещё маленький столик для личных вещей заключённого. В первое время подъём был в семь часов и отбой в десять часов, а позже, в 1949 году, рабочий день заключённых был продлён до двенадцати часов. Ночью в лагерях горел ослепительно яркий свет, а шарапеч-

ные заключённые спали под синим светом, который одним “...напоминает синюю лампадку, которую в детстве зажигала на ночь мама” и другим “Всю ночь на глаза давит” (Солженицын 1969: 87). На втором этаже находились ещё бюро начальника тюрьмы и приёмная тюремного врача. (Scammell 1984: 228, 255.)

В Марфино, где столовая находилась в цокольном этаже, заключённых кормили гораздо лучше, чем в лагере, и следует упомянуть, что в послевоенные годы большинство населения питалось хуже спецзэков. Пища их была хорошая, и в первое время заключённым выдавали даже мясную пищу и десерт, и пищи было сравнительно много: “Хлеба белого по четыреста грамм, а черный - на столах...хочешь - бери, хочешь не бери” (Солженицын 1969: 13). Заключённые всё же временами голодали, и посыльное право и право делать закупки для них являлись очень дорогими. (Scammell 1984: 228, 233.)

Если в 1947 году марфинские заключённые ещё могли по своему желанию пребывать на свежем воздухе сколько угодно и когда угодно, то в 1949 году, когда дисциплина стала более строгой и рабочий день двенадцатичасовым, “...двери на прогулку открывали только по звонку...” (Солженицын 1969: 31). Время прогулки сократилось на минутку перед завтраком и перед обедом. Маленький марфинский двор был окружен проволокой, появились сторожевые башни и дежурили в них вооруженные часовые. (Scammell 1984: 255; Thomas 1998: 177.)

В начале 1949 года к марфинской тюрьме присоединили другой научно-исследовательский институт, и теперь заключённых было около 300, и тюремных служащих - около 400. Марфино перевели из ведомства МВД в ведомство министерства госбезопасности, и оно стало сверхсекретной Спецтюрьмой МГБ № 1, начальником которой назначали полковника Антона Васильева. Большинство из заключённых были специалисты разных отраслей науки: математики, физики, химии и т.п. (Scammell 1984: 255, 257.) Их перевезли в Марфино из разных тюрем и лагерей, чтобы выполнить научную задачу, т.е. изобрести для Сталина секретную телефонию “...такую, чтобы никто никогда не мог бы понять, даже перехватив, его телефонный разговор” (Солженицын 1969: 65).

С лета 1949, после того, как внесли изменения в тюремной администрации, заключённым уже не разрешалось носить гражданскую одежду. Теперь все

постоянные заключённые спецтюрьмы носили одинаковые синие комбинезоны, чтобы легче было их различать, иначе говоря, стрелять по заключённым, вступающим в запретную зону. (Scammell 1984: 253; Thomas 1998: 177.) На свидания всё-таки заключённых в комбинезонах не брали, а тюремное начальство заставляло их переодеваться и дало им “...ччи-то не новые костюмы и рубашки, могло статься, что и - конфискованные из част-ных гардеробов по описи имущества” (Солженицын 1969: 231-232.)

К концу 40-х годов советское государство усилило контроль над своими гражданами, и чувствовалось это также во всем Архипелаге. С 1949 года Марфино напоминало всё больше и больше обычный лагерь строгого режима, так как заключённых караулили вооруженные сторожа, и их можно было сажать в одиночку или в карцер. Марфинские заключённые всё же и теперь имели больше прав, чем лагерные заключённые: они не ходили в номерах (т.е. в одежде с номерами); их не били произвольно; они могли сами бриться; работа не была физически тяжелой; они имели посыльное право и право на переписку. Заключённые следовали примеру Дмитрия Панина (см. 5.4.1), и называли тюрьму *первым кругом*. Для них марфинская тюрьма была самый высокий и самый хороший круг ада советских исправительно-трудовых лагерей, она была раем, и было у них здесь почти всё - кроме свободы. (Scammell 1984: 239, 255; Солженицын 1969: 785; Thomas 1998: 168, 177.)

5.3 Работа на марфинской шарапке

В 1947 году, когда в бывшей семинарии устраивали научно-исследовательский институт, Солженицын работал библиотекарем и переводчиком, которым он был также на загорской шарапке, где находился некоторое время раньше в том же году. В библиотеке, которая тогда находилась в бывшей церкви, Солженицын работал полгода, восемь часов в день. Лаборатории и технические мастерские были устроены, и первой задачей марфинского института предназначалось соз-

дать портативные милицейские радиопередатчики. Солженицын всё-таки продолжал работать в библиотеке, теперь вместе с Львом Копелевым. Большинство книг в библиотеке были произведения по технике, но была там также сотня общих произведений и произведения художественной литературы, которые решили в апреле 1948 отделить от первых. Руководителем этой задачей был назначен Лев Копелев, так как Солженицын отказал за недостатком времени. В основном же, Солженицын занимался в библиотеке своими делами: он писал свои тексты и изучал словарь Даля, который нашел в Загорске. (Scammell 1984: 227, 235, 255.)

“Августейшим пальцем с желтым пятном никотина у ногтя, Отец Народов выбрал на карте объект Маврино...” (Солженицын 1969: 65), т.е. Марфино, для создания секретной телефонии уже в январе 1948. Только в начале 1949 года, когда к марфинскому институту был присоединен другой институт того же самого типа действия, создание секретной телефонии стало главным заданием шарашки. Задание было сверхответственным и исключительным по сжатому сроку, и поэтому с начала 1949 года рабочий день марфинских спецзаключённых проходил 12 часов. Свободных от работы дней уже не было, и только воскресеньям у заключённых был свободный вечер начиная с шести часов. (Thomas 1998: 177.)

Солженицын и Копелев передали своё привилегированное положение в тюремной библиотеке трём служащим МГБ, а сами они были переведены на научно-исследовательскую работу. Заданием их группы было статистическое изучение фонетических свойств русской речи, так что инженеры по телефонии потом могли разбирать её на фонетические компоненты. Математик Солженицын занимался статистической стороной исследования, и филолог Копелев - фонетической. Оба мужчины считали эту новую работу захватывающей, так как “Никто, кажется, не занимался подобной работой до них. Во всяком случае, они не напали ни на чьи труды.” (Солженицын 1969: 31.) Им надо было самим создать свой исследовательский метод, и в этом они прибегали к американским учебникам и журналам, так как лингвистика в Советском Союзе вырождалась с 20-х годов. Библиотекарь марфинской тюрьмы, к счастью, заказывал для Солженицина и Копелева литературу из библиотеки Академии наук СССР и других специальных источников. (Scammell 1984: 255-256; Thomas 1998: 178.)

Создая фреквентативную таблицу слогов в русской речи, Солженицын применил теорию вероятности. Слоги регистрировали так: кто-то читал вслух текст, а другие члены группы идентифицировали слоги и записывали их в таблицу. За три недели группа нашла 3500 фонетически разных слогов, из которых 100 составили 85 % из всех употребляемых. Результаты этого изучения записывались в лист, “...на котором шли столбцы наименований, разграфка на клетки и классификация в виде дерева” (Солженицын 1969: 25). Тюремный начальник Васильев так был доволен их работой, что перевел группу в только что устроенную Акустическую лабораторию. (Scammell 1984: 256; Thomas 1998: 178.)

“Акустическая бригада”, которой руководил Лев Копелев, должна была выяснить, что делает человеческий голос неповторимым, а Солженицын заботился о математической организации, так называемых, артикуляционных испытаний. Необходимо было оценивать качество слышимости по различным телефонным линиям, и это делали с помощью испытаний, методику которых создал Солженицын. Испытания осуществляли так: диктор читал отдельные слоги, слова и фразы, а слушатели на другом конце линии давали оценку качеству через процент ошибок. Группа употребляла также прибор видимой речи, ВИР, скопированный по американским моделям, который фильтровал и печатал индивидуальные акустические особенности голоса, звуковиды, в виде спектрограмм. В звуковидах речь разделялась по частоте, по времени и по амплитуде так, что её было возможно идентифицировать. (Scammell 1984: 257; Солженицын 1969: 40-41; Thomas 1998: 182.)

С помощью спектрограмм хотели достичь ясности, верности и слышимости в разных типах телефонной линии, которые считали применяемыми в конструкции секретной телефонии: речь надо было расчленить на кубики вещества и перепутать, потом “...еще воссоздать ее так, чтобы не только было все понятно, но Хозяин мог бы по голосу узнать, с кем говорит” (Солженицын 1969: 73). К осени 1949 года “акустическая бригада” создала удовлетворительную систему шифрования, хотя не достигли полной ясности и слышимости в голосе говорящего. (Scammell 1984: 257.)

В акустической лаборатории Солженицыну особенно нравилось то, что он мог вместе с Копелевым устроить для себя удобное место у южного окна. Он

поставил свой стул “...с пружинистой спинкой, удобно поддающейся каждому движению спины, и особый стол с ребристыми опадающими шторками...” (Солженицын 1969: 30) так, что сидел спиной к лаборатории, и возможно было заниматься писанием. Солженицын и Копелев читали в рабочее время много хороших книг, т.е. “материал для исследования”, который просили заказывать не из тюрьмы. Под видом работы Солженицын мог также служить радиопередачи, так как ему нужно было носить наушники большую часть времени работы. (Scammell 1984: 256-258.)

Обычной целью употребления тех изобретений, которые требовали от шарашечных заключённых, являлось то, как будет легче сажать людей в тюрьму. Позже Копелеву тоже поручили установить с помощью звуковидов личность шпиона с записанных разговоров трёх подозреваемых, и Солженицын тайком помогал ему в математических вопросах этого сверхсекретного задания. Тогда он, наверно, ещё не думал о том, что, кроме своего друга, он помог и режиму сажать ещё одного человека в тюрьму. (Scammell 1984: 262.) Мы будем рассматривать моральный выбор шарашечных заключённых в главе “Мир заключённых”, но здесь мы еще коротко обсудим историю шарашек.

С начала 30-х годов в Советском Союзе основывались шарашки, так как хотели попробовать, как учёные-заключённые будут работать в тюремном окружении. Основную идею шарашек можно лучше всего объяснить словами солженицынского образа заключённого Адамсона.

На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или больших ученых: борясь за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет. Поэтому все конструкторские бюро на воле - это бледный кружок вокруг одной яркой головы. А на шарашке? Ни слава, ни деньги никому не грозят. Николаю Николаичу полстакана сметаны и Петру Петровичу полстакана сметаны. Дюжина академических медведей мирно живет в одной берлоге, потому что дельца некуда. Поиграют в шахматы, покурят - скучно. Может изобретем что-нибудь? Давайте! Так создано многое! И в этом - основная идея шарашек. (Солженицын 1969: 89-90.)

Действительно, так было создано многое, от космических ракет до атомной бомбы, не говоря о более маленьких изобретениях, с помощью которых можно было усиливать контроль над людьми. Шарашечным заключённым, отказавшимся от сотрудничества с режимом, грозило потеря привилегий и отправление в лагерь.

Зато те, кто удачливо выполнили свое задание, могли освобождаться досрочно, и этой возможности у политзаключённых иначе не было. Принцип награждения выражается следующей цитатой из романа *В круге первом*: “...в случае успеха разработки ближайшие к ней зэки получали всё - свободу, чистый паспорт, квартиру в Москве, остальные же не получали ничего - ни дня скидки со сроку, ни ста граммов водки в честь победителей. Середины не было.” (Солженицын 1969: 73.)

Само название *шарашка* происходит от *шарага* или *шарашкина контора*, то есть плохо управляемое учреждение, не заслуживающее уважения. Условия работы советских заключённых, вообще, не стоят похвалы: аппаратов не было или были аппараты старые и расстроенные, и распоряжения абсурдные, и в этом, шарашки не отличались от лагерей. На марфинской шарашке аппаратура была устаревшая и доставленная битой, и новейшая аппаратура её также старела по месяцам. Распоряжения, которые основывали секретностью заданий, были крайне абсурдными: например, “...любой конденсаторишко величиной с ириску, каждый метр провода и каждая радиолампа должны получить визу начальника лаборатории, иначе их не выдадут со склада” (Солженицын 1969: 592). Подозрительность к “врагам народа” выражалась в утрированном наблюдении за ними:

Никакой зэк не имел права ни секунды оставаться в своем рабочем помещении без присмотра со стороны вольного, ибо бдительность подсказывала, что эту безнадзорную секунду заключенный обязательно употребил бы на взлом при помощи карандаша железного шкафа с секретными документами, фотографирования их при помощи пуговицы от штанов, на взрыв атомной бомбы и полет на Луну. (Солженицын 1969: 242.)

Принимая во внимание характер заданий и условия работы шарашечных заключённых, можно предполагать, что работа на шарашке была также работой принудительной. Некоторые заключённые, правда, отдавались своей работе, но обычнее была неохотная работа.

5.4 Марфинская академия

Солженицын познакомился со Дмитрием Паниным в октябре 1947 года и со Львом Копелевым на месяц позже. Они стали такими близкими друзьями, что они были как три мушкетера. Дружбу Солженицына со Спиридоном Егоровым и Сергеем Ивашевым-Мусатовым тоже можно считать тесной. Четверо мужчины стали самыми важными “профессорами” академии, которой Солженицын считал марфинскую шарапашку. Марфино - первый круг и в том смысле, что нигде в другом месте он уже не оказался в таком же интеллектуальном и культурно богатом окружении, и - парадокс - нигде в другом месте в Советском Союзе нельзя было беседовать так открыто, как в этом “волшебном круге”. Солженицын любил дискуссии с этими исключительными мужчинами, и у него была такая привычка, что он как бы провоцировал их на разговоры, чтобы получить что-то от них. (Scammell 1984: 229, 270; Thomas 1998: 167.) В этой главе мы рассматриваем, в основных чертах, как эти друзья-”профессора” воздействовали на мышление Солженицына, ищущего всегда и везде правду.

Дмитрий Панин и Лев Копелев, окрещенные Солженицыным (Глебом Нержинским) в романе Дмитрием Сологдиным и Львом Рубиным, были люди принципиальные, хотя и очень отличающиеся друг от друга. Панин был искренний христианин, а Копелев - страстный коммунист. Солженицын обычно не принимал ничью сторону. Панин и Копелев отличались друг от друга и по образованию: Панин был инженер, а Копелев - филолог, без всяких знаний по технике. Несмотря на несходство их характеров, которое приводило к горячайшим спорам, Панин и Копелев были близкими друзьями; Панин даже просил марфинское начальство взять этого блестящего филолога в шарапашку из Бутырки, где они познакомились. (Scammell 1984: 230; Thomas 165, 167.)

5.4.1 Дмитрий Панин

Дмитрий Панин, арестованный в 1940 году, сидел уже седьмой год, когда познакомился с Солженицыным, которому очень нравилось слушать его рассказы о суровых северных лагерях. Казалось, что Панин бывал во всех углах страшного Архипелага, где он прошел воркутинские шахты и чердынские леса, “...два следствия - полгода и год, с бессонницей, изматыванием сил и соков тела” (Солженицын 1969: 184), а всё же, в душе его был нерушимый покой. Солженицын, конечно, очень восхищался характером своего друга. (Scammell 1984: 229-230, 232; Thomas 1998: 166.)

Панин и Солженицын беседовали о многих разных, политических и философских темах, и Панин многими способами влиял на мышление Солженицына. В общем, Солженицын ценил мнения Панина, которые были резкие, но разумные, так как основывал он их на своем многолетнем лагерном опыте. Главной лекцией, которую Панин читал Солженицыну, считается “как относиться к заключению”. (Scammell 1984: 232.)

В первое время своего срока Солженицын писал заявления Верховному Совету СССР, в которых просил то амнистию, то ссылку как альтернативу амнистии, но он прекратил писать их к концу 1947 года, ведь более опытный Панин не мог верить в амнистию. Панин был уверен, что его сроку конца не будет, и в 1949 году Солженицын тоже перестал думать о возвращении на свободу; он уже не знал, хотел ли он возвратить в общество, которое отвергло его. (Scammell 1984: 208, 232.)

Панин давно примирился с мыслью, что самая лучшая часть его жизни пройдет в заключении. Он был человек сильного духа, который не подчинялся внешним условиям, и для таких людей жизнь в тюрьме может быть до такой степени удовлетворительной, что нет разницы между заключением и свободой; в заключении иногда даже больше радости, чем на воле, и где же лучше подумать над самим собой? Панин был первым, вспоминает Копелев, кто называл марфинскую шарашку первым кругом, но неизвестно, сам ли он придумал это название. Панин, конечно, не имел в виду материальную обеспеченность, а ду-

ховную атмосферу шарапки, где узнавал людей и события, о которых больше нигде невозможно было узнать (Scammell 1984: 265; Солженицын 1969: 219, 254, 353.) Солженицын получил от Дмитрия Панина первый толчок задуматься о тюрьме как благословении, и это увековечено в романе *В круге первом*:

Нержин...сейчас думал, что лагеря только в первый год могли оглушить его, что теперь у него совсем другое дыхание... И еще он думал о Сологдине, что усвоил нечто от его несуетливого понимания жизни; что именно от Сологдина получил он первый толчок задуматься, что человеку не надо рассматривать тюрьму только как проклятие, а еще и как благословение. (Солженицын 1969: 191-192.)

5.4.2 Лев Копелев

Приезжая в Марфино, Лев Копелев, арестованный в 1945 году, ещё верил, что его по ошибке посадили в тюрьму. В 1948 году приговор Копелева был изменён с шести на десять лет, но продолжал он писать свои заявления даже самому Сталину “Не о помиловании, о пересмотре дела” (Солженицын 1969: 567). Большинство из марфинских заключённых были против Партии, но верующему в неё Копелеву удалось найти идеологическую поддержку, так как Солженицын имел ленинистские взгляды, от которых, правда, позже отошел. (Scammell 1984: 231-232, 252.)

В первое время, Копелев и Солженицын работали вместе в тюремной библиотеке, и позже они могли для исследовательской работы заказывать книги из других библиотек. Они были книгоеды и часто беседовали о литературе. Восточная философия также являлась важной темой их разговоров, особенно учения Лао-цзы, но чаще всего они обсуждали политические вопросы. Копелев был хороший источник знаний для Солженицына, который продолжал писать исследование об истории Революции, начатое студентом. Об этой теме они обычно разговаривали или на дворе во время прогулки или по вечерам в библиотеке. Известно, что Солженицын умел провоцировать других на дискуссии, и эту способность он использовал, разговаривая с Копелевым, которому надо было также интерпретировать то, что рассказал. Солженицын мог навлекать и подозрение на

Ленина и Сталина, чтобы вступить с Копелевым в горячий спор. (Scammell 1984: 235-237.)

Если Копелев был страстный сторонник советской власти, а Панин такой же страстный противник её, то Солженицын оказался в нейтральной полосе - вначале. Мало-помалу через стадию скептицизма Солженицын отошел от прежних ленинистских взглядов и стал действительным противником власти. Можно полагать, что беседы с Копелевым дали ему такой же толчок пересмотреть свои взгляды, как дали беседы с Паниным. Солженицын включил в свой роман *В круге первом* несколько примеров таких политических бесед, которых проводил со Львом Копелевым.

- Из всех нас ты же один считаешь, что Пахан прав, что методы его необходимы, закономерны - вот бы тебя и загнать в Джезказган, что бы ты там запел!

- Слушай, слушай! - теперь Рубин властно схватил Нержина за комбинезон. - Это величайший человек! Ты когда-нибудь поймешь. Это вместе - и Робеспьер и Наполеон нашей революции. Он - мудр! Он действительно мудр! Он видит так далеко, как не захватывают наши куцые взгляды! (Солженицын 1969: 53.)

5.4.3 Сергей Ивашев-Мусатов

Художник Сергей Ивашев-Мусатов был арестован за участие в недозволенном чтении романа Даниила Андреева и осужден на двадцать пять лет. Ивашев-Мусатов был, по мнению Копелева, почти как Дон Кихот, такие же фантастические были его представления о многом. Солженицын "...был спокойно уверен в пре-восходстве своего житейского опыта" (1969: 359), однако он получил от художника полезный урок "как описывать человека". (Scammell 1984: 246-247.)

Солженицын восхищался тем, как Ивашев-Мусатов отдался своей работе. Для этого художника, окрещенного в романе Ипполитом Кондрашевым-Ивановым, искусство было единственный способ жить. Несмотря на то, что у него "...таланта не было никогда никакого!" (1969: 357), он работал с таким самозабвением, что "...не замечал, чем его кормили, во что одевали, когда пересчитывали его голову в числе других" (Солженицын 1969: 355). Ивашев-Муса-

тов, в общем, ничего не умел воспринимать наполовину, и его мнения всегда были крайние - то за, то против чего-нибудь. (Scammell 1984: 247.)

Ивашев-Мусатов беседовал с Солженицыным о живописи, и самой интересной темой являлась портретная живопись (Scammell 1984: 247). Просто смотреть на натурщика, так считал Ивашев-Мусатов, недостаточно художнику, которому надо разговаривать с ним, слушать его, и наблюдать его движения, в целях постижения его настоящего характера. Портрет, конечно, должен быть внешне похож на натурщика, но этим Ивашев-Мусатов не мог удовольствоваться, так как думал, что невозможно видеть действительность такой, какая она есть:

А особенно - действительность духовную? Кто это - знает и видит?.. И если, глядя на портретируемого, я разгляжу в нем душевые возможности выше тех, которые он до сих пор проявил в жизни - почему мне не осмелиться изобразить их? помочь человеку найти себя и возвыситься? (Солженицын 1969: 454.)

5.4.4 Спиридон Егоров

Необразованный Спиридон Егоров, выступающий в романе *В круге первом* под своим подлинным именем, попал на марфинскую шарапку случайно и остался там дворником. Он очень отличался от остальных "профессоров" марфинской академии, которые были люди образованные, культурные. Егоров всё же читал Солженицыну интереснейшие лекции о философии простого народа. Философия находила выражение также в народных поговорках, которыми Солженицын интересовался. (Scammell 1984: 248.)

Панин называл дружбу Солженицына с дворником "хождением в народ", на манер русских писателей 19-го века. Солженицын совсем так не думал, потому что ему казалось, что спускаться ему уже было не к кому, так как в Архипелаге слились вместе опыт верхнего и нижнего слоя общества. Егоров, считавший свое положение самым последним на шарапке, по мнению Солженицына, был человек равный как с ним, так и с другими образованными заключёнными. (Scammell 1984: 248; Солженицын 1974б: 477.)

Слушая Егорова, рассказывающего о своей жизни, в которой он постоянно переходил от одной борющейся стороны к другой, Солженицын заметил, что у этого мужчины можно было спросить о виновности: прав ли Толстой, что нет правых и нет виновных в мире - или есть виновные. Задав Егорову вопрос, кто прав и кто виноват, Солженицын получил от него главный моральный постулат жизни, который звучал так, что “волкодав прав, а людоед - нет” (1969: 561). Людоед не прав, так как для человека нехарактерно пожирать представителей своего рода, а волкодав просто следует своему инстинкту. (Scammell 1984: 248).

5.5 Свободное время в Марфино

В первое время, когда марфинскую шарапашку ещё организовывали, воскресенье был у заключённых свободный от работы день, и свободного времени у них было, в целом, достаточно много. Позже рабочий день значит стал более длинным и с 1949 года заключённые должны были работать также по воскресеньям, когда свободный вечер начинался только после утренной смены, с шести часов. Солженицын умел сочетать рабочее время с увлечениями так, что под видом работы он мог писать, читать литературу и слушать музыку. В этом разделе мы рассмотрим, чем ещё Солженицын занимался один или вместе с другими заключёнными на досуге, не забывая, конечно, о выше упомянутых интересах. (Scammell 1984: 256.)

В свободное время заключённые часто играли в волейбол на тюремном дворе. Солженицын тоже занимался волейболом и был довольно хорошим игроком. Правда, он иногда забывал, что речь шла о командном виде спорта, и имел плохую наклонность перехватывать пасы, предназначенные другим. Когда тюремный режим стал строже, заключённым разрешалось всё реже играть в волейбол. (Scammell 1984: 240, 256.)

В воскресенье заключённым иногда показывали кино. Несмотря на то, что качество кинофильмов, показываемых им, не было очень высокое, заключённые всё равно целую неделю жили в ожидании, покажут или не покажут в воскресенье кино:

Наделашин объявил: едущим на свидание явиться в штаб к десяти утра. На вопрос, будет ли сегодня кино, ответил, что не будет. Раздался легкий гул недовольства, но отзывался из угла Хоробров:

- И совсем не возите, чем такое говно, как “Кубанские казаки”. (Солженицын 1969: 228.)

В словах Хороброва слышна разочарованность заключённых, ведь кино помогало им забывать о своей безутешной судьбе - хотя на минуту. Солженицын также любил смотреть фильмы, которые показывали всё реже и реже (Scammell 1984: 255).

В общежитии тюремы радиоприемники и грамофоны были запрещены, но работая в акустической лаборатории, Солженицын мог слушать радиопередачи; заключённые же умели сами строить приемники. Солженицын слушал новости Би-Би-Си и концерты московского радио, т.е. классическую музыку. Вкус у него был довольно романтический, и любимые композиторы его были Моцарт, Бетховен, Глинка, Мусоргский и Чайковский. Первая жена Солженицына, Наталья Решетовская, была концертная пианистка, и она учила мужа разбираться в классической музыке. Слушая музыку, Солженицын наслаждался придумывая какие-нибудь истории или ландшафты, чтобы “видеть” какие чувства содержало музыкальное произведение, и возможно было таким образом освобождаться от тяжелой жизни заключённого. (Scammell 1984: 167, 243, 251; Солженицын 1969: 410; Thomas 1998: 167, 178.)

- Это - чудо. Это - семнадцатая ре-минорная соната Бетховена. О ней почему-то никогда... Ты слушай, слушай. (1969: 26.)

- А соната оч-чень хороша. Почему нет у нее названия, как у других? “Мелькающая” - не пойдет? В ней все мелькает - плохое и хорошее, грустное и веселое, как в жизни. И - нет конца, как у жизни. Так бы и назвать - “как в жизни”. Соната *ut in vita...* (Солженицын 1969: 28.)

В марфинской щарашке Солженицын читал больше, чем когда-либо после того, как окончил университет. Заключённые имели право использовать тюремную библиотеку, коллекция которой была очень небольшая; содержала она около ста

произведений художественной литературы, например, Тургенева. Поэт Сергей Есенин всегда был фаворит Солженицына, а работая в акустической лаборатории, он заново увлекался и творчеством Достоевского. Солженицын и Копелев могли читать множество книг, заказанных из самых лучших московских библиотек. (Scammell 1984: 249; Thomas 1998: 167.)

Солженицыну нравилось не просто читать, а также обсуждать вопросы о литературе. Он, правда, читал те же самые книги, что и Копелев, но вкус у них не был одинаковый, и, таким образом, Копелев был для него идеальным собеседником. Солженицын любил читать Блока, Майкова, Тютчева, и его раздражала привычка Копелева навязывать ему произведения своих любимых писателей: “Без Хемингуэя тридцать лет я прожил, еще поживу немножко. То ты мне Чапека навязываешь, то Фалладу. Мне и так жизнь растерзали. Дай мне о грачи - чить с я! (1969: 34.) (Scammell 1984: 249.)

Одна из самых дорогих книг для Солженицына была коллекция сочинений восточных философов, из которых он больше всех любил учения Лао-цзы, и Копелев, неожиданно, тоже восхищался учениями этого китайского мыслителя. Солженицын регулярно изучал этимологический словарь Владимира Даля, и никак нельзя было избегать обмена мнениями с другом-филологом. (Scammell 1984: 237.)

- Мудрая этимология в самом слове запечатлела преходящность и нереальность понятия. Само слово счастье происходит от се-часье, то есть, этот час, это мгновение!

- Нет, магистр, простите! Читайте Владимира Даля. “Счастье” происходит от со-частье, то есть, кому какая часть, какая доля досталась, кто какой пай урвал от жизни. Мудрая этимология дает нам очень низменную трактовку счастья.

- Подожди! Так мое объяснение тоже из Даля!

- Удивляюсь. Мое тоже. (Солженицын 1969: 46.)

Попав на шарашку, Солженицын начал опять писать, и беседы с Копелевым на литературные темы помогали ему различать, что в его текстах было удачно и что надо было ещё оттачивать. Это можно также считать лекцией, прочитанной ему “профессором” Копелевым (ср. 5.4.2). В Марфино можно было сравнительно безопасно писать, хотя самых опасных слов и мыслей нигде нельзя было писать на бумаге. Солженицын писал и стихи и прозу и начал вспоминать всё, что было написано. (Scammell 1984: 250.)

Солженицын почувствовал такую потребность писать, что временами просил оставить его в покое, и сожалел о свободном время, которое “тратил” с друзьями, несмотря на то, что ему очень нравились вечера с ними (Thomas 1998: 167). К своему счастью, он мог заниматься писанием также в рабочее время, и писал на крохотных листиках “мельчайшим почерком, как будто не пером, а острием иглы” (Солженицын 1969: 35).

Сейчас на большом столе Нержина были сложены барrikадами стопы книг и папок, а оставшееся посредине живое место опять-таки захвачено папками, машинописными текстами, книгами, журналами, иностранными и русскими, и все они были разложены раскрытыми. Всякий неподозрительный человек, подойдя со стороны, увидел бы тут застывший ураган исследовательской мысли.

А между тем все это была ч е р н у х а (путаница), Нержин т е м н и л по вечерам на случай захода начальства. (Солженицын 1969: 29-30.)

5.6 Отношение к заключению

Так как Солженицын был арестован на фронте, арест не вырвал его из домашней жизни с близкими, а “...лишил только привычного дивизиона да картины трёх последних месяцев войны” (1974а: 31). Его испытание было смягчено и тем, что не были уничтожены его произведения, потому что их тогда ещё не было. В самом начале своего тюремного пути Солженицын находился около четырех месяцев на Лубянке, т.е. в главной политической тюрьме Советского Союза. Попасть именно в эту устрашающую тюрьму ему очень было нужно, потому что он много думал о судьбе Бухарина, и ему хотелось представить себе всё это. (Scammell 1984: 148, 171; Shifrin 1981: 30-31; Солженицын 1974а: 197; 1975: 117.)

...вечерами на бульвары родного города, где приличнее было бы вздыхать о девушкиах, Глеб ходил мечтать, как он когда-нибудь во все разберется и, может быть, побудет даже в тех стенах, где эти люди почему-то все, как один, брали на себя предсмертное самооболгание. Может быть, в тех стенах можно это понять?

Он еще не знал тогда - ни как называется та главная тюрьма, ни что желания наши обязательно исполняются, если они по-настоящему велики. (Солженицын 1969: 286.)

В первые годы срока Солженицын писал в Верховный Совет заявления, в которых просил ссылку как альтернативу амнистии. Узнав позже, что после срока,

если не будет нового приговора, его не освободят, а вышлют в вечную ссылку, он прекратил писать напрасные заявления. После того, как он примирился с мыслью, что он должен отбыть все восемь лет срока своего наказания в заключении, Солженицын мог забыть о внешнем мире и концентрироваться на себе. В тюрьме он так много узнал о жизни и самом себе, что только зэком, кажется, он научился понимать мир. Несчастье дало ему толчок к размышлению, и он понял, что тюремная жизнь также была жизнь, и счастье действительно не зависит от внешнего блага, а от отношения к нему.

- Когда раньше, на воле, я читал в книгах, что мудрецы думали о смысле жизни, или о том, что такое счастье, - я мало понимал эти места. Я отдавал им должное: мудрецам и по штату положено думать. Но смысл жизни? Мы живем - и в этом смысл. Счастье? Когда очень хорошо - вот это и есть счастье, общезвестно... Благословение тюрьме!! Она дала мне задуматься. (Солженицын 1969: 49.)

Солженицын считал заключение важным, даже необходимым событием в своей жизни. Тюрьма и лагерь не могли сломить его, а тяжелые испытания только укрепляли его духовные силы. Именно в те долгие и трудные годы, которые Солженицын проводил в заключении, развивался его характер (1974в: 106).

Заключённый никогда не довольствуется выполнением своего наказания, и это выражается разными видами протеста. Солженицын тоже не был довольным выполнением своего наказания, и в первое время часто писал жалобы тюремной администрации. Узнав, что никто не обращал внимания на письменные заявления, он начал устно обжаловать поступки тюремных служащих. Быстро его никто не выталкивал сквозь зубы грамматически законченную фразу (Солженицын 1974в: 281), и в этом Солженицын очень похож на Глеба Нержина, у которого "...был природный дар, не задумываясь, сложить жалобу в немногочисленные разящие слова и произнести их единственным духом в ту короткую секунду, когда открывается к о р м у ш к а в двери камеры?" (1969: 776-777).

Солженицын имел особенную, решительную манеру разговаривать с тюремным начальством. Тон разговора был высокомерно-иронический и слова всегда корректные; говорил он, на самом деле, "...тоном разговора старшего с младшим" (Солженицын 1969: 777), и в этом тон оказался неожиданным

начальству. Неожиданными в жалобах Солженицына являлись также намеки на законы, которые в Советском Союзе были секретными. (Scammell 1984: 265-266.)

Солженицын всегда умел говорить за всех заключённых, несмотря на то, что коллективные жалобы были запрещены. Он формулировал свои жалобы так, что они казались личными, хотя он стремился улучшить положение всех заключённых в Марфино. Хороший пример многих таких требований, как он требовал своих пяти граммов подболотной муки; если дудут ему, должно дать всем. Следует помнить, что в те скучные времена пять граммов муки не были мелочь, даже в шарашке, но важнее мук Солженицыну всё же был принцип. Он хотел осуществить право, гарантированное заключённым законом. (Scammell 1984: 266.)

Непослушание тоже является основным видом протеста недовольных заключённых. Солженицын прибегал к непослушанию, в особенности с конца 1949 года, когда уже бросил думать о возвращении в общество. Он вместе с Паниным продолжали пилить дрова для тюремной кухни, но уже не в своё время, как раньше, а в рабочее время по воскресеньям, и оба они отказались от сверхурочной работы. (Scammell 1984: 265.)

5.7 Отъезд из Марфино

19 мая 1950 года, Солженицын и Панин были этапированы в казахстанский лагерь Экибастуз, куда они приехали только в конце августа, через тюрьмы Бутырка, Куйбышев, Омск и Павлодар. Солженицын отбыл остальной срок в Экибастузе, до февраля 1953. Перевели его в лагерь за ту простую причину, что он критиковал прототип секретной телефонии, которую сконструировал Антон Васильев, начальник марфинской шарашки. После этого неприятного инцидента в акустической лаборатории Солженицыну сообщили, что его переводят в криптографическую работу, от которой он всё-таки отказался, так как не хотел идти на компромисс. (Scammell 1984: 268-269; Thomas 1998: 187.)

В романе *В круге первом* описывается отъезд Глеба Нержина, который тоже отказался от перевода на криптографическое отделение, где нужны математики. Нержин знал, что он должен заплатить за отказ потерей всех шарашечных благ, но в случае Солженицына речь не шла о сознательном решении исчезать туда, откуда выплил - в лагерь. Солженицын верил, что благодаря своему сравнительно важному положению на шарашке, его не будут отправлять на этап, но ошибся, и удивился переводу. (Scammell 1984: 265; Thomas 1998: 185.)

Солженицын был духовно готовым к отъезду из Марфино, и можно полагать, что он сознательно решил момент своего отъезда, потому что практически каждый шарашечный заключённый был отправлен на этап, когда приближался конец срока. Делали это обычно за год или два года до освобождения или высылки, чтобы заключённые забыли о гостайнах, над которыми работали. Заключённый, в общем, не может решать о своей жизни, и постоянно боится попасть на этап, утерять и тот жалкий уровень, на котором он держится. Так, ускоряя неизбежное в будущем событие, Солженицын избавился от страха, и мог заняться более важными, более глубокими делами.

На шарашках Солженицын провел больше трёх лет, и благодаря этим "райским островам", он, может быть, остался жив, ведь "...в лагерях бы мне весь срок ни за что не выжить" (1974а: 583). В Марфино он нашупал новый смысл в жизни заключённого и потерял вкус держаться за шарашечные блага; цена, которую он за них платил, показалась слишком высокой, ведь Солженицын же заметил, что "Дороже тамошнего сливочного масла и сахара мне стало - распрямиться" (1974в: 40). Притом, марфинская шарашка, где режим становился постоянно более строгим, напоминала всё больше и больше обычный лагерь. В течение марфинских годов Солженицыну удалось собирать силы так, что можно было выдержать остаточный срок - хоть в лагере, трудясь на общих работах. (Scammell 1984: 270; Thomas 1998: 177.)

Сперва были робость и колебания: верно ли? выдержу ли? Неприспособленным головным существам, нам ведь и на равной работе - трудней, чем однобригадникам. Но именно с того дня, когда я сознательно опустился на дно и ощутил его прочно под ногами - это общее, твёрдое, кремнистое дно, - начались самые важные годы моей жизни, придавшие окончательные черты характеру. Теперь как бы уже не изменялась вверх и вниз моя жизнь, я верен взглядам и привычкам, выработанным там. (Солженицын 1974в: 106.)

6 МИР ЗАКЛЮЧЁННЫХ

Мир заключённых начинается от тюремной стены, отделяющей его от остального мира, где живут люди вольные. Мы привыкли думать, что в мире всё зависит от всего, и всё действует на всё, но взаимовлияние между мирами заключённых и вольных является очень незначительным. У нас мало что дать миру заключённых, и их мир также неспособен дать нам ничего, потому что жизнь в одном мире отличается от жизни в другом мире. Все люди, попавшие в мир заключённых, конечно, были раньше обитателями вольного мира, и знают его хорошо. Между тем для вольных жизнь за тюремной стеной остается чужой, потому что нет открытого общения между двумя мирами. Недостаток в знаниях заменяется представлениями, в которых мир заключённых кажется мифическим, темным и ужасным, и, таким образом, неинтересным: кому же хотелось бы узнать о жизни в таком мире?

В каждой стране много отдельных зон мира заключённых, так как каждое карательное учреждение является его центром. Александр Солженицын называл единство советских зон Архипелагом ГУЛаг, и название - отличное. В нем видна географическая разбитость психологически и культурно единого мира заключённых, который пересекает государственные границы, хотя физически ограничен тюремной стеной. Обоснованно говорить о психологическом и куль-

турном единстве, так как большинство законов являются универсальными: в российских и американских тюрьмах соблюдаются те же самые неписанные правила заключённых.

В сталинское время весь Советский Союз был похож на зону мира заключённых, и не было четкой границы между двумя мирами. Сегодня жизнь заключённых на российской зоне больше отличается от жизни вольных россиян, чем от жизни финских заключённых. Мы имеем в виду не материальные тюремные условия в России и в Финляндии - разница огромная, а духовную, внутреннюю жизнь на разных зонах мира заключённых.

Наша задача погрузиться в солженицынский мир заключённых, с которым мы познакомимся в его лучших произведениях. Мы обсуждаем положение заключённого в этом мире, иначе говоря, как он испытывает свою жизнь в стенах тюрьмы. Фактические знания о тюремном быте, которые мы рассматривали в главах 2 и 3, нам окажутся очень полезными, когда мы читаем тюремную литературу. Читая, например, роман *В круге первом*, нам очень полезно познакомиться с миром заключённых именно с точки зрения его обитателей, чтобы мы лучше поняли читаемое нами произведение. Мир заключённых такой же огромный, как мир в общем, и поэтому мы в этой работе сосредоточимся на основных моментах, которыми он отличается от мира вольных.

6.1 Время

Современным людям, живущим часто по строгому минутному расписанию, смешно думать о прежних временах, когда часы ещё были редкими и имелась в них лишь часовая стрелка. Нам так же трудно понять, что в солженицынском мире заключённых минута - до смешного маленькая единица измерения времени: в этом мире не стоит дышать даже по часам или суткам, и его можно называть также *страной эпоса* (1974а: 511). Часы теряют свое значение, так как

заключённый лишён своих часов, которые будут положены в камеру хранения, где “до конца завода они еще будут идти, потом остановятся - и никто больше не будет их заводить, и с этим положением стрелок они дождутся или смерти хозяина или конфискации себя в числе всего имущества” (Солженицын 1969: 753).

Заключённые любят пересчитывать время, “уже потерянное, и впредь обречённое к утере” (1969: 795), и когда часы уже никуда не годятся, им надо придумать другие способы измерять время. Так как заключённым “...только надо знать - скоро ли подъём? до развода сколько? до обеда? до отбоя?” (1978: 111), неизменный распорядок дня в тюрьме служит хорошим измерителем времени; например, подъём бывает в семь часов и ужин - в восемь часов. Регулярно повторяющие события, происходящие вне тюремной зоны, могут тоже служить указателем времени: прогудит электропоезд, значит пять минут девятого (Солженицын 1978: 33).

Время в мире заключённых делится на две разновременные части: одно есть то же самое время, как вне зоны, и другое - время, которое измеряет срок наказания. В тюрьме события мелки, не достойны внимания, “а к вечеру вздыхаешь, что опять не хватило времени, опять день пролетел” (1974а: 209). Можно встретить людей, у которых очень много интересного, что рассказать, и время не хватит на все нужные разговоры. Заключённые могут иногда также работать с таким усердием, что совсем не замечают течения времени, и так случилось с Шуховым, который задумался: “Диво дивное: вот время за работой идёт!” (Солженицын 1978: 45.)

День в мире заключённых пролетит, а “...срок сам - ничуть не идёт” (1978: 45). В названии *страна эпоса* отражается ход срочного времени; не меняются месяцы и годы. Заключённым не положено иметь часов, так как “время за них знает начальство” (1978: 17), им даже не слышно, как тикают часы, и усиливается впечатление, что время остановилось. Часы и сутки, может быть, и пролетят, а “Даже один год - у-у-у, как это долго!...И это - только один год. А их - десять. Их - двадцать пять...” (Солженицын 1974б: 585). Время не идёт, и в тюрьме иногда трудно соразмерить события со временем: долго ли продолжается какое-нибудь происшествие, продолжительное оно или непродолжительное.

Заключённые разделяют время ещё надвое: на *свое время* и на *казенное время*. В тюрьме человек не может принимать решений, касающихся его жизни, но в свое время заключённому можно почувствовать, что он сам владеет своей жизнью, так как делает что-нибудь - не важно что - по собственному желанию. Очень дорогим для заключённых является свое время, которого мало: например, в Марфино, такое время было лишь вечер воскресенья.

Отдых состоял в том, что зэкам разрешалось безо всякого ограничения лежать в своих кроватях..., сидеть на кроватях..., ходить по комнате и из комнаты в комнату..., сколько угодно курить в коридорах, спорить о политике при стукачах и совершенно без стеснений и ограничений пользоваться уборной. ...Полнота отдыха была в том, что время было *своё*, а не *казенное*. (Солженицын 1969: 410-411.)

В мире заключённых неделя и времена года тоже имеют свой особый ход. У вольных в каждой неделе семь дней, с понедельника до воскресенья, из недели в неделю, а тюремная неделя меняется. Воскресенье - свободный от работы день, но часто его просто не будет: “если пять воскресений в месяце, то три дают, а два на работу гонят” (1978: 91). Заключённым просто сообщают, что воскресенья не будет и - всё, магия совсем не нужна. Год в *стране эпоса* очень долгое время, но всё же годы идут, “Не частоговоркой, как шутят в лагере - “зима-лето, зима-лето”, а - протяжная осень, нескончаемая зима, неохотливая весна, и только лето короткое” (Солженицын 1974б: 585).

6.2 Заключённый

Заключение - это состояние того, кто лишен свободы. Лишенные свободы, *л/c* - так и назывались обитатели советской зоны мира заключённых до года 1934, когда их окрестили *заключёнными*, потому что считалось нетерпимым, что “...в определении туземцев было больше *свободы*, чем тюрьмы” (1974б: 493). Позже название сократилось на форму *з/к* в единственном числе и множественное число - *з/к* *з/к*. Новое название уже не склонялось по падежам или по числам, и

оно становилось, как пишет Солженицын, “...достойным дитём мёртвой и безграмотной эпохи” (1974б: 493).

Названные з/к з/к, обитатели мира заключённых не могли мириться с новым названием, и оно получило новые формы в разных центрах советской зоны. Говорили *Захар Кузьмич* и *заполярные комсомольцы*, также формы *зак* и *зык* были обычными. Солженицын сам слышал форму *зек*, которую он употребляет, но “Пишем же мы это слово через “Э”, а не “е” потому, что иначе нельзя обеспечить твёрдого произношения звука “з”” (1974б: 494). Несмотря на различие форм, это неодушевлённое слово склонялось, во всех случаях, по падежам и числам.

6.2.1 Личность становится номером

Переступив порог тюрьмы, человек как бы прекращает свое существование в мире вольных, и становится обитателем мира заключённых, превращаясь в миф даже для своей семьи. Переход человека из одного мира в другой напоминает о появлении ребёнка на свет; сначала он такой же беспомощный как малыш в этом новом мире, в котором то, чему научился в прежней жизни, совсем не поможет ему.

Нас просвещают и готовят с юности - к нашей специальности; к обязанностям гражданина; к воинской службе; к уходу за своим телом; к приличному поведению; даже и к пониманию изящного... Но ни образование, ни воспитание, ни опыт ничуть не подводят нас к величайшему испытанию жизни: к аресту... (Солженицын 1974б: 130.)

Имя человека считается равным с его личностью, и когда имя в тюрьме заменяется номером, человека лишают и его личности. Он должен переодеться в одежду заключённого, и те предметы гражданской одежды, с которыми он не расстанется, будут после прожарки чужими и противными. Во время приемных формальностей, в которые входит и стрижка волос, человек становится чужим даже самому себе:

Этот гордый молодой дипломат... был сейчас голый, квёлый, костистый мужчина с головой, остиженной наполовину (1969: 742).

Проводя по непривычной голове (с детства не помнил он себя наголо остиженным), он нащупывал странную короткую щетинку и неровности черепа, о которых не знал (Солженицын 1969: 743).

В мире заключённых, люди обезличены; у всех одинаковая внешность, и человек лишен своей фамилии. Боязно отказаться от фамилии, так как “фамилия - это верный хвост, своей фамилией человек ущемлен навек, а номер - это дуновение, фу - и нет” (1974в: 64). Когда личность человека заменяется номером, он отличается от своих товарищей по судьбе “...уже не всей человеческой особенностью, а только плюс-минус единичкой в однообразном ряду” (Солженицын 1974в: 61).

6.2.2 Номер становится заключённым

Человек-номер, конечно, не превратится в заключённого внезапно, а перемена совершается постоянно, в течение даже годов. Первой меняется внешность, и последней - душа. Можно сказать, что учебное время в новом мире начнется с того момента, когда душа еще не зэковская, но “человек расстается со своей “вольной” одеждой и вживается в...одежду зэка” (1969: 290), и внешность его станет зэковской.

Новичок должен сам выяснить новые для него житейские правила, т.е. кодекс правильного зэческого поведения. Этот кодекс, о котором не печатают учебников, выражается в личном примере опытных заключённых и передается лишь в устном фольклоре заключённых. Общение с ветеранами Архипелага будет необходимым, и пришельцу легче общаться с ними, когда он уже не бросается им в глаза; заключённый относится с подозрительностью ко всем, кто отличается от представителей национального типа зэка. Наконец, человек-номер станет заключённым, по внешности и по душе. Он уже не принадлежит к своему прежнему народу - он член народности Архипелага:

Печать этой принадлежности втравливается в человека глубоко и навсегда. Много лет спустя, если он окажется вне Архипелага, сперва в человеке узнаешь зэка, а лишь потом - русского или татарина... (Солженицын 1974б: 498.)

6.2.3 Заключённый - не человек

Гитлеровский опыт замены личности номером позаимствовали, чтобы работа тюремных служащих облегчалась; легче же быть грубым с номерами, чем с живыми личностями. Когда на советской зоне установили номера, решилась также проблема, как называть “врагов народа”, к которым запрещено было обращаться словами *гражданин* и *товарищ*, и надзирателям нельзя было даже знать и помнить их фамилий. Заключённых заставляли ходить в отрепьях и быть в грязи, их морили голодом, и делалось это с расчётом. Превратить человека в нечеловека, в животное существо, чтобы надзирателям не надо было думать о гуманности к своим жертвам. Принадлежность заключённых к нечеловекам как бы дает им - в их глазах и в глазах вольного населения, право жестоко обращаться с заключёнными. (Ericson 1980: 166-167; Солженицын 1974а: 179; 1974в: 63; Todorov 1997: 159-160.)

Удивляться ли, что вид наш вызывает гадливость? - ведь он так и рассчитан, наш вид. Вольные жители посёлка... со страхом косятся с тротуарных тропинок на наши колонны, ведомые по широкой улице. Передают: они очень боятся, что мы, исчадия фашизма, вдруг бросимся врассыпную, сомнём конвой, - и ринемся грабить, насиловать, жечь, убивать. Ведь наверно такие только желания доступны столь звероподобным существам. И вот от этих зверей охраняет жителей посёлка - конвой. Благородный конвой. (Солженицын 1974в: 230-231.)

Никто уже не должен относиться к заключённым по-человечески, ведь они - не люди. Права человека также их не касаются, они же только карикатуры на человека, какие-то звероподобные существа, бывшие в прошлом люди, но сейчас они интеллектуально и духовно снижены до животного (1974а: 522; 1974б: 204). Бесчеловечность заключённых считается таким же ясным фактом, что даже от новичков ожидают, чтобы они повели себя как животные: по команде *садись!* они должны не сесть на свой чемодан, как сделал Солженицын, а сидеть “как

сидят собаки у ворот, кошки у дверей” (1974а: 520). Заключённые, возвращающиеся с работы в лагерь, должны выстроиться в ряды между двумя длинными бревенчатыми переводинами, “похожими на коновязь базарную и образующими как бы загон для колонны” (Солженицын 1978: 88).

С заключёнными, конечно, не всегда и не все обращаются как с животными, но им всё же откажут в человечности. Презрение выражается во многом, и очень возмущает заключённых, которых как бы не существует, если их нет в каком-то списке: этапируемый ещё в тюрьме, но его уже нет там, потому что он исключен из списков тюрьмы. В романе *В круге первом* Валентин Прянчиков изольет свой гнев на то, что к заключённым относятся как к неодушевлённым вещам: “ - Да как это можно?...Мы одеревенели! Мы даже не возмущаемся! О т - п р а в л я т ь можно багаж, но кто дал право отправлять люд е й ?! (Солженицын 1969: 783.)

Машины-фургоны, в которых возили заключённых, красили в радостные тона и надписывали сверху, например, “Хлеб”, “Пейте советское шампанское”, или “Мясо”, хотя “верней бы написать - “кости”” (Солженицын 1974а: 523). Было это для публики, которой даже не пришло на ум предполагать, что не возили советского шампанского, а - советских заключённых, самых бесправных из всех земных существ:

“На улицах Москвы то и дело встречаются автофургоны с продуктами, очень опрятные, санитарно-безупречные. Нельзя не признать снабжения столицы превосходным”. (Солженицын 1969: 804.)

6.2.4 Заключённый становится личностью

Надзиратели или придерживаются или не придерживаются приказа называть заключённых по номерам, зато, сами заключённые всегда обращаются друг к другу по имени; номера, правда, и были придуманы для надзирателей. Заключённым, кто не ходят в номерах, более ужасно подумать о такой практике, чем самим но-

сителям номеров. Все шарашечные заключённые даже и не знают, что их товарищи по судьбе в лагере носят номера.

Заключённые не обращают внимания на номера, и даже "...о самых близких друзьях и бригадниках никогда не знали, какой у них номер, свой только и помнили" (Солженицын 1974в: 64). Не удалась, значит, первая фаза лишения личности человека, то есть, заменить имя номером, так как всё равно невозможно было вполне лишить заключённого своего имени.

Трудно выражать свою личность внешне, когда у всех в тюрьме одежда, стрижка, даже выражения лиц и движения - одинаковы. Заключённый всё же старается отличаться от других и, удивительно, часто это удается. Солженицын обращает внимание на то, что, хотя всем марфинским заключённым выдали одинаково сшитые синие комбинезоны, они носят их по-разному.

У Рубина одна пуговица была оторвана, пояс - расслаблен, на животе обвисали какие-то лишние куски ткани. Напротив, у...молодого человека с подвижными каштановыми прядями, такой же синий комбинезон носился франтовски, матерчатый синий пояс был затянут пряжками вокруг тонкого стана, а на груди, в распахе комбинезона, виднелась голубая шелковая рубашка... (Солженицын 1969: 23.)

Различия, конечно, не очень заметные, но это не важно. Главное, что заключённому всё ещё остается хотя бы маленькая возможность на индивидуальность.

Одежда важна для заключённых, потому что она свойственна для человека. В *Круге первом* приведены примеры, как заключённые следят за своей внешностью и одеждой. Многие из заключённых используют манишку, т.е. белый лоскуток с пришитым к нему белым воротничком, который в распахе комбинезона покроет нижнюю сорочку со штампом 'МГБ - Спецтюрьма №...'. Заключённые исправляют и те предметы одежды, которые не видны другим: штопают носки и перед свиданием придают блеск ботинкам, хотя под столом их не видно. (Солженицын 1969: 232, 237.)

Заключённых невозможно лишить человечности арестантской одеждой. Заключённые, которые содержат свою одежду в порядке, могут чувствовать себя людьми, так как они сохраняют свое самоуважение и вызывают уважение у других. Самые малейшие различия в одинаковой одежде и всякие улучшения в жалкой арестантской одежде являются очень значительными для заключённых. Быть

заключённым, кажется, это то же самое, как носить арестантскую одежду: одетым в хорошую одежду или раздетым до белья, заключённый почивает себя более свободным. (Солженицын 1969: 412; Todorov 1997: 66.)

Заключённого пытаются лишить его личности, и это удается - частично. Совсем не надо заменить его имя номером или заставить его ходить в отрепьях или номерах, ведь заключение, как таковое, лишит человека прежнего характера, прежней личности. Заключённый, конечно, не станет безликим, хотя к тому и стремится, а становится личностью с бессмертной душой заключённого, способной остаться человеком хоть в лагере (Des Pres 1971: 57). “Характер его изменится, и он вернется совсем-совсем незнакомым человеком...” (Солженицын 1969: 385).

6.2.5 Заключённый в мире вольных

Заключённые как бы прекращают свое существование в мире вольных, и когда они там появляются, на них обычно внимания не обращают. Те из вольных, кто бесстрашно смотрят на заключённых как на людей, обычно или старухи или бывшие заключённые. Солженицын пишет, что верующая в Бога старуха не боится бросить им кусок хлеба, который отломила от скучного кирпичика. Бывшие лагерные заключённые знают: кто не был - тот будет, “кто был - тот не забудет, и, ...кинут пачку папирос, чтобы и им так кинули в их следующий срок” (Солженицын 1974а: 521.)

Большинство людей всё-таки заключённых не замечают по разным причинам, которым являются незнание, страх и стыд. Люди, видящие на строительстве мужчин в грязной рваной одежде, не догадаются, что это не обычные строители, вид у которых такой же, а смотрят они на заключённых. Прохожие, которые понимают, на кого смотрят, из чувства вины и боязни опускают глаза и стараются вовсе их не видеть, “как будто место пустое” (Солженицын 1974а: 521).

Интересно, что также тюремным служащим стыдно встречать заключённых в мире вольных. В *Круге первом* вольная сотрудница шарашки Клара Макарыгина видет грязно одетую женщину, которая моет ступени лестницы дома, где Макарыгинны будут жить. Хотя Клара встречается с заключёнными каждый день на своей работе, понимая, что эта женщина - заключённая, она испытывает исключительно сильный стыд.

Не столько стыд за себя, который всегда ощущаешь, обходя женщину, моющую пол, - но перед этой юбкой в лохмотьях, перед этой телогрейкой с вылезшей ватой Клара испытала какой-то еще высший стыд и страх! - и замерла - и открыла сумочку - и хотела вывернуть ее всю, отдать этой женщине - и не посмела. (Солженицын 1969: 335.)

В мире вольных заключённый - не человек, даже не звероподобное существо или неодушевлённая вещь, а больше - дух, призрак, и у Солженицына заключённый часто сравнивается с мертвецом. В лагерном архипелаге человек будет много раз поставлен на грань выживания, и столько же раз он получит от “ангела смерти” новое видение и новый опыт. Бездна между заключённым и вольными становится незаполнимой, так как вольным невозможно вполне понять этот опыт “потустороннего мира”. Заключённый отрывается от мира вольных, и он уже не может понимать его обитателей и их напрасные жалобы о “тяжести” жизни. (Форсстедт 2001: 104; Солженицын 1974а: 583.)

Как же внушить им - прозрением? видением? во сне? - братья! люди! Зачем дана вам жизнь?! В глухую полночь распахиваются двери смертных камер - и людей с великой душой волокут на расстрел. На всех железных дорогах страны сию минуту, сейчас, люди лежат после селёдки горькими языками сухие губы, они грезят о счастьи распрямленных ног, об успокоении после оправки. ... А у вас - под голубым небом, под горячим солнцем есть право распорядиться своей судьбой, пойти выпить воды, потянуться, куда угодно ехать без конвоя - какие же невытерпеть ноги? причём тут свекровь? Самое главное в жизни, все загадки её - хотите, я высыплю вам сейчас? (Солженицын 1974а: 583-584.)

6.3 Шкала ценностей

Люди на воле ценят совсем другие вещи, чем заключённые, которые, по мнению Солженицына, напоминают дикарей, отдающих за крохотное зеркальце жирную

свинью и “за дешевые бусы - корзину кокосовых орехов” (1974б: 501). Шкала ценностей у заключённых, кажется, перевёрнутая. В этой главе мы рассмотрим вещи, которые ценятся высоко в мире заключённых, где они имеют и другое значение, чем в мире вольных.

6.3.1 Пища

Несытые заключённые ценят выше всего хлебную пайку, а, после табака, на третье место, они ставят баланду. Даже самым голодным из вольных было бы противно кушать арестантские “лакомства”, ведь пайка - это же кусок сырого, черного хлеба с примесью, а баланда - скучный суп из капусты или крапивы без жиров, мяса и рыбы. Соли в баланду, конечно, не бросят, так как повары экономят *лагерное серебро*. (Солженицын 1974б: 170, 502.)

Вольные ценят пищу за вкус и питательность, а тюремная пища должна быть ценна по-другому, так как вкуса и питательности нет. У заключённых овсянка ценится выше других сортов каши за то, что “между зёренами - навар этот сытен” (1978: 51). Баланду ценят, потому что она горяча, но холодную баланду всё равно едят так же медленно и вдумчиво, ведь заключённый “...живёт для себя только утром десять минут за завтраком, да за обедом пять, да пять за ужином” (Солженицын 1978: 13-14).

У заключённых, вообще, своеобразное представление о жевательном процессе, так как они считают его в жизни заключённых “...одним из самых усладительных, в которых нам и открывается сущность бытия” (1969: 438). Человеку нельзя есть жадно, потому что съеденная в спешке еда пройдет даром, без сытости. Заключённый ест спокойно, думая только о еде, и “вот как сейчас эти кусочки малые откусываешь, и языком их мнёшь, и щеками подсасываешь - и такой тебе духовитый этой хлеб чёрный сырой” (Солженицын 1978: 34-35.)

Несмотря на убогое качество и недостаточное количество пищи, заключённые относятся к ней почти как вольные к причащению, и даже к самой водянистой каше они приобщаются со священным трепетом. Перед обедом одни

крестятся, другие снимают шапку, но все они едят молча, ведь эти минуты свя-
тые: каша расходится нектаром по телу и заключённый содрогается от сладости,
которая ему открывается в разваренных крупинках и в соединяющей их мутной
влаге. (1969: 49.) В эти минуты, может быть, они думают; как и Шухов, что
“переживём! Переживём всё, даст Бог кончится!” (Солженицын 1978: 99.)

6.3.2 Табак

Табак, т.е. папиросы, сигареты и самосад, ценится так высоко, что называется *лагерным золотом*. Табак можно также считать общей валютой у заключённых, кому строжайше запрещено иметь деньги. В тюрьме всегда занимаются более или менее честной торговлей, но особенно произвольными являются меновые соотношения на торговле табаком, и как тому ни быть, если заключённый считает и хвостик сигареты дороже самой свободы. (Солженицын 1969: 613; 1974б: 170, 502; 1978: 22.)

В *Круге первом* заключённые курят бесплатные сигареты, но они всё же ценят табак так же дорого, как лагерники, которым надо за него очень дорого платить: например, два рубля за стакан самосада (1978: 103). В *Один день Ивана Денисовича* Цезарь курит, “чтобы возбудить в себе сильную мысль и дать ей найти что-то” (1978: 23). У Солженицына курение обычно связано с мышлением, и напоминает даже какой-то ритуал: “Нержин, как всегда, когда нужно было что-то осознать, обнять мыслью, часто курил – и издавленные окурки складывал рядом...” (1969: 555).

Сорт табака, в основном, не имеет большого значения, хотя шарашечные заключённые могут и выражать свое недовольство качеством сигарет, данных им бесплатно: “Вот гады, “Дукатом” душат. Буду министру жаловаться, клянусь” (Солженицын 1969: 11.) Более важным, чем сорт табака, заключённые считают *как и где курить*.

Хоробров придумал покурить. Он вынул папиросу и стал ее разминать. В совершенной тишине комнаты слышно было, как шелестела под его пальцами туга набитая гильза. Покурить ему хотелось тут же, не выходя, не снимая ног с

перилец кровати. Курильщики-арестанты знают, что истинное удовольствие доставляет лишь папироса, выкуренная лёжа - на своей полоске нар, на своей вагонке, - неторопливая папироса со взором, устремлённым на потолок, где проплывают картины невозвратного прошлого и недостижимого будущего. (Солженицын 1969: 235-236.)

6.3.3 Сон

Сон занимает четвертое место в шкале ценностей у заключённых, которым бессонница неведома. Они спят дурно крайне редко, даже в лагере, где вагонки четверные и трех качает, когда один повернется. Заключённые способны спать удивительно много, и спят они без снотворных夜里 напролёт и все - редкие - свободные от работы дни. Они способны спать также в самых разных обстоятельствах, как, например, на разводе или идя под конвоем. Вольные удивляются зэковскими способностями ко сну, так как им неведомо обоснование, что во сне срок идёт быстрей. (Солженицын 1969: 89; 1974б: 503).

- Спать! - это очень важно. На брюхо лечь, спиной укрыться и спать! Во время сна ты на расходуешь сил и не терзаешь сердца - а срок идет, а срок идет! Когда трещит и брызжет факелом наша жизнь, мы проклинаем необходимость восемь часов бездарно спать. Когда же мы обездолены, обездадежены - благословение тебе, сон четырнадцатичасовой! (Солженицын 1974а: 593.)

В предыдущей цитате видна одна необъяснимая странность сна заключённых, что они почти никогда не спят на боку, а или "уткнувшись в подушку или откинувшись в нее затылком" (1969: 570). Никому ещё не удалось окончательно разгадать эту загадку, но Солженицын предполагает, что лежа всей длиной своего тела, заключённый как бы принимает поддержку и успокоение от лежака. (Солженицын 1969: 682; Шаламов 1982: 243.)

Заключённые любят рассказывать сны, которые иногда являются пророческими. Во сне они могут встретиться с дорогими им людьми. Им снятся события, принадлежащие только к вольному миру. Заключённый, который видит во сне, что бродит по городу или по зеленой траве, тягостно помнит, что такого не может быть, ведь он же арестант. Вполне забыть о заключении ему не удается даже во сне: (Солженицын 1969: 571, 770.)

Сотрясение незаслуженного ареста и десяти - и двадцатипятилетнего приговора, и лай овчарок, и молотки конвойных, и терзающий звон лагерного подъема - просочились к их костям сквозь все наслаждения жизни, сквозь все интсинкты вторичные и даже первичные, так что спящий арестант сперва помнит, что он в тюрьме, а потом только ощущает жжение или дым и встает на пожар. (Солженицын 1969: 571.)

Сон можно всё же считать неким побегом из тюрьмы, потому что во сне “...организм не горит, и мозг не перебирает заново и заново сделанных тобою ошибок” (Солженицын 1974а: 230).

6.3.4 Мелкие вещи

В заключении человек начинает ценить самые мельчайшие вещи, для него ранее незначительные, так как он всегда держал их под рукой у себя. В тюрьме всего мало, и такие простые вещи, как носовой платок, обрывок нитки, пуговица или пустая спичечная коробка, считаются теснейшими друзьями заключённого, потому что “Всегда наступит момент, когда кто-то из них станет незаменимым - и выручит!” (Солженицын 1969: 764). Носовым платком можно покрыть глаза от давящего света камеры, и обрывком нитки и занятой у кого-то иголкой пришить пуговицу к свисающим брюкам - чувствовать себя человеком. Зубной порошок и кисть для бритья являются уже предметами роскоши, а пластмасса ценится почти как драгоценный металл.

Вольному даже не представить себе радость заключённого, которому по какой-то причине представится возможность рассматривать себя в большом зеркале.

Прянчиков, как притянутый, остановился около зеркала. Он подошел к нему очень близко, с удовлетворением рассматривая свое чистое свежее лицо. Поправил немного галстук и воротник голубой рубашки. Потом стал медленно отходить, неотрывно оглядывая себя анфас, в три четверти и профиль. Чуть прошелся так, сделал некое полутанцующее движение. Опять приблизился и посмотрелся вплотную (Солженицын 1969: 113-114.).

Никто из вольных так не кокетничал бы перед зеркалом - находясь в кабинете министра государственной безопасности. Для заключённого, которому не всегда

позволено пользоваться даже зеркальцем меньше ладони, посмотреть на себя в зеркало во весь рост является более чудесным событием, чем находиться в кабинете министра. Прянчиков, на самом деле, “...даже не догадался, что это - кабинет...и что пара погонов в конце зала есть хозяин кабинета” (Солженицын 1969: 113).

Мелкие вещи иногда имеют и косвенную ценность. Ничего удивительного, что лагерник поднимет с земли кусок ножовочного полотна и спрячет его, так как кусок можно позже отточить в сапожный нож. В лагере, где под страхом карцера запрещено иметь всякий инструмент для резания, можно зарабатывать давая взаймы хоть самый маленький самодельный складной нож. “Это лишь у кого вовсе человеческой совести нет, тот может так: дай нам, мол, ножик, мы будем колбасу резать, а тебе хрен в рот”. (Солженицын 1978: 106.)

Вещи у заключённых могут быть и эмоционально драгоценными. Обычно это вещи, которые напоминают заключённому о его прошлой жизни. Прошлое, в общем, значительное для заключённого, потому что “Насколько неустойчиво настоящее и будущее зэка - настолько незыблемо его прошедшее” (1974б: 514), в котором он был кем-то большим, так как заключённый самый низкий из всех существ на советской земле (Солженицын 1974б: 515).

В тюрьме значение писем совсем иное, чем на воле, ведь письмо - единственная связь с любимой. Всякое ограничение права на переписку, которого нет у всех заключённых, отдаляет мужа от жены, которая уже вне пределов досягаемости. Она “где-то в Москве. Где-то в Москве, но все равно, как если бы и на Марсе.” (1969: 84.) Отношение продолжает своё по-другому невозможное существование в письмах, просмотренных тюремной цензурой. Несмотря на то, что письма прекратили быть личными, так как супруги уже не писали друг другу, а для цензоров, заключённые хотели “...сохранить тонкую живительную ниточку связи с родными...” (Солженицын 1969: 603).

Кроме писем, также фотографии и разные хоть и мельчайшие вещи, полученные от родных, служат конкретизацией отношения заключённого к людям на воле. Корзиночка, которую Руська получил от Клары в *Круге первом*, есть гораздо больше, чем подарок на ёлку: для Руськи она - Клара, и “Эту корзиночку он держал теперь под одеялом и целовал” (1969: 419). Нержин теряет, на основа-

нии доноса, свою кингу Есенина. Он, правда, очень любит поэзию Есенина, но потеря будет тяжелым ударом для него, потому что книгу ему подарила жена. (Солженицын 1969: 365; Teittinen 1993: 125.)

Заключённый может также беречь вещи, которые ему напоминают о лагерном прошлом. В *Один день Ивана Денисовича* Солженицын пишет о Шухове, что он “...вытянул из валенка ложку. Ложка та была ему дорога, прошла с ним весь север, он сам отливал её в песке из алюминиевого провода, на ней и наколка стояла: "Усть-Ижма, 1944".” (1978: 13.) Ложка для заключённых значительна, потому что с ней связаны разные суеверия о том, что с ней сделать, когда пора оставить тюрьму позади: оставить ли её там или взять с собой, чтобы не было нужно возвращаться за ней.

Сидя годы в тесной камере перенаселенной тюрьмы, человек учится по-другому ценить и нематериальные вещи. Вольные иногда считают тишину или одиночество тягостными, а заключённые очень наслаждаются обоими редкими в тюрьме явлениями (1969: 232). Особенно важным у заключённых является воздух. Вольные совсем не знают, что такой *кислородный голод* (1969: 601), который испытывают заключённые. Для них нет такой плохой погоды, чтобы отказаться от прогулки, ведь “Воздух выдавался пайком и был дорог” (Солженицын 1969: 598).

6.3.5 Подарки

Заключённые, которые очень ценят маленькие вещи, любят получать и делать друг другу подарки, денежная стоимость которых является совсем незначительной, ведь самое важное чувство заботы. Подарки заключённым делают также их родственники, и иногда дарителем может быть человек, входящий в тюремный персонал. В солженицынском мире заключённых подарки являются очень не редкими.

В *Круге первом* мы познакомимся с заключённым-инженером Андреем Потаповым, который “...просидел в лагерях и выжил главным образом своим не-

человесеским умением делать привлекательные зажигалки, портсигары и мундштуки из отбросов, да еще и не пользуясь никакими инструментами” (1969: 79-80). В свой день рождения Нержин получает от Потапова “...портсигар из темно-красной прозрачной пластмассы, наполненный впритирочку в один слой двенадцатью папиросами...” (1969: 223), который он изготовил не жалея рабочее время. Нержин, конечно, очень обрадуется подарку, но ему станет неловко, потому что он не может подарить Потапову ничего подобного, хотя в мире заключённых даритель, в общем, не ждет, что сделают ему ответный подарок. (Солженицын 1969: 79, 224.)

Потапов хорошо помнит дни рождения своих друзей, и почему бы нет, ведь “...какие ж еще знаменательные даты остались в нашей жизни?” (1969: 224). Ему нравится дарить своим друзьям самодельные вещи, ничего не стоящие для вольных, но ценность которых является неизмеримой для того, кто получает подарок.

- Когда я сидел на Лубянке с герцогом Эстергази вдвоём в камере, ... - я подарил ему в день рождения три пуговицы из хлеба, - у него было все начисто обрезано, - и он клялся, что даже ни от кого из Габсбургов не получал подарка более своевременного. (Солженицын 1969: 224.)

Потапов, как мы выше упомянули, тратит много времени на изготовление этих подарков и, в общем, арестантская частная работа окажется самой старательной работой в мире - “ведь арестант никуда не спешит” (1969: 230), так как подарки же изготавляются в *казенное время*. Так сделан и бювар, который Рубин изготовил в день рождения Нержина: “В бордовом коленкоре изящно были размещены кармашки, застежки, кнопочки и пачки отличной трофейной бумаги” (Солженицын 1969: 230).

Подарки, конечно, не всегда самодельные. Заключённый, который получает посылку, то есть, подарок от семьи, может подарить другу, например, “...два печенья, два кусочка сахара и один круглый ломтик колбасы” (1978: 116). Когда заключённый будет отправлен на этап, он из-за разных распоряжений не всегда имеет права нести с собой все свои вещи, и они будут подарены остающимся, тем, кто может сделать ему ответный подарок, дать нужные ему вещи. В *Круге первом* изображен ’раздел наследства’ Глеба Нержина.

Уже было решено, кому достанется его крутящийся желтый стул, кому - немецкий стол с падающими шторками, кому - чернильница, кому - рулон цветной и мраморной трофеейной бумаги. Умерший с веселой улыбкой сам раздавал свое наследство, а наследники несли ему кто по две, кто по три пачки папирос... (Солженицын 1969: 785.)

Чувство заботы выражается в передачах от родственников. Существование жён “врагов народа” убогое, но они всё же делают подарки мужьям, каждая по меру своих способностей.

На стол были составлены плетёная корзинка и базарные сумки из кирзы, как видно, полные все-таки продуктами. И, хотя шарашечные зэки были вполне сыты, Наде, пришедшей с невесомым “хворостом” в кулечке, стало обидно и совестно, что даже раз в год она не может побаловать мужа вкусненьким. Этот хворост, рано вставши, когда в общежитии еще спали, она жарила из оставшейся у нее белой муки и сахара на оставшемся масле. Подкупить же конфет или пирожных она уже не успела, да и денег до получки оставалось мало. (Солженицын 1969: 296.)

В мире заключённых недостаток всяких вещей, и посылка от семьи может содержать кроме продуктов питания книги, теплую одежду, нижнее белье, носовые платки и т.п. Тревога жены о благополучии своего мужа может быть такая большая, что она занимает деньги у знакомых, продает свои вещи и сама недоедает, чтобы посыпать мужу нужные товары. Заключённый знает о трудном положении семьи, и так как “...знал он, чего те передачи стоят, и знал, что десять лет с семьи их не потянешь”, он, может быть, просит у жены, чтобы она их больше не высыпала, и пишет: “не отрывай от ребятишек” (1978: 91). Некоторые заключённые даже способны помогать своей семье, и посыпают домой деньги, как делает и Потапов, который “...не прикупал ничего в тюремном ларьке, отсылая все зарабатываемые деньги своей “старухе”” (Солженицын 1969: 220).

Тюремный служащий может выступить в роли дарителя. Подарок, который он делает заключённым, обычно бывает какая-нибудь услуга, которая нам кажется незначительной, но следует помнить, что в мире заключённых шкала ценностей совсем другая. В *Круге первом* эта шкала ценностей ещё не знакома Иннокентию Володину, и, когда надзиратель предоставляет ему возможность пользоваться уборной, он откажется “по слепоте новичка не зная, что сделанное ему предложение было наибольшей льготой, доступной власти надзирателя, и одним из величайших благ на земле, недоступных арестанту вне расписания”

(1969: 764). Подарком от надзирателя можно считать и очень редкое в советской тюрьме человеческое обращение “Ты кем был?” (Солженицын 1969: 763).

Вольные сотрудники в тюрьме сделают заключённым подарки больше надзирателей. Подарок вольной сотрудницы может быть услуга. Например, заключённый, у которого нет права на переписку, будет связан с семьей. Вольные сотрудники могут всё-таки подарить и вещи, как сделала Клара Макарыгина в *Круге первом*. Она “плела из разноцветных хлорвиниловых проводков - корзиночку, подарок на ёлку” (Солженицын 1969: 348), которую тайком подарила Руське Доронину.

6.4 Вечные вопросы жизни

В заключении человек вынужден рассматривать центральные вопросы жизни с новой точки зрения. Он переоценивает понятия *добро* и *зло*, смотрит на смерть по-другому, и даже мечтает о том, чего раньше боялся; или о заболевании или о войне. В этой главе рассматривается, как заключённый мыслит о совести и морали, о свободе, и обсуждается отношение заключённого к смерти.

6.4.1 Совесть и мораль

В мире заключённых каждый его обитатель оказывается постоянно перед моральным выбором, и это - центральная тема в произведениях Солженицына. Мы знаем, что человек интуитивно чувствует, как правильно делать, ведь он же выучился отделять правду от лжи и добро от зла. В мире заключённых, где другая правда и другое добро, человек уже не может верить в свою интуицию, и желая оставаться человеком в этом зверином окружении, он должен принимать решения. В советском заключении было трудно выжить и физически, но выжить в нём духовно было гораздо труднее, но - возможно.

Самоприказ “дожить!” - естественный всплеск живого. Кому не хочется дожить? Кто не имеет права дожить? Напряжение всех сил нашего тела! Приказ всем клеточкам: дожить! Могучий заряд введён в грудную клетку, и электрическим облаком окружено сердце, чтоб не остановиться. (1974б: 590.)

Но просто “дожить” еще не значит - любой ценой. “Любая цена” - это значит: ценой другого. (Солженицын 1974б: 591.)

Солженицын опишет этот великий развилок жизни заключённого так, что “Отсюда - вправо и влево пойдут дороги, одна будет набирать высоты, другая низеть. Пойдёшь направо - жизнь потеряешь, пойдешь налево - потеряешь совесть.” (1974б: 590.) Заключённый, лишенный кроме имущества и любви, семьи и свободы, ценит совесть очень высоко, и легче ему, даже за благо незнакомого, отказаться от собственной поддельной жизни, чем от совести.

На шарашке сравнительно легко выжить физически, но душевные страдания заключённых значительны. Политзаключённым осталась лишь одна возможность на досрочное освобождение, то есть, придумать изобретение, с помощью которого будет легче сажать людей в тюрьму. Заключённый, у которого время освобождения уже близко, боится за новый приговор, или до освобождения еще больше двадцати лет, и понятно, что мысль о возврате домой обнимет сердце каждого, “А сделать надо было только то, что Бобёр: вместо себя посадить за решётку сотню-две доверчивых лопоухих вольняшек” (1969: 695). Большинство шарашечных заключённых всё-таки не могут так сделать, и нас интересуют именно эти люди.

Чистая совесть для солженицынского заключённого дороже самой жизни, и ему очень трудно отступаться от принципов. Сологдин пожертвует свою иначе невозможную свободу за совесть. Нержин, не соглашаясь на криптографию, готов жертвовать своим привилегированным положением на шарашке, и возвратиться в лагерь, рискуя жизнью. Выбор, который касается всей остальной жизни, конечно, является тяжелым:

Так отдаваться в лапы осьминогу криптографии?..

Для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела?

Милос благополучие! Зачем - ты, если ничего, кроме тебя?..

Все доводы разума - да, я согласен, гражданин начальник!

Все доводы сердца - отойди от меня, сатана! (Солженицын 1969: 62-63.)

Заключённый может оказаться в сложной ситуации, в которой он должен принимать решение не только за самого себя, а также за свою любимую жену. В *Круге первом* заключённый Герасимович готов жертвовать и благосостояние своей жены, чтобы сохранить чистую совесть. Заключённого, кто решает сохранить свою совесть чистой вместо того, чтобы исполнить молитвы супруги, вольные считают просто бессердечным. Это - и правда. В мире заключённых так много горя и страдания, что человек вынужден привыкать к равнодушию, и быть безжалостным к судьбам других людей, чтобы вообще иметь возможности пережить долгие годы заключения. Заключённого стремятся лишить его человечности, и так как совесть свойственна человеку, она важна для него. Сохранить совесть в мире заключённых - значит остаться человеком, способным духовно выдержать хоть самый низкий круг лагерного ада. (Солженицын 1974б: 509.)

6.4.2 Свобода

В книге *Один день Ивана Денисовича* Шухов вспоминает, как он раньше “...каждый вечер считал, сколько дней от срока прошло, сколько осталось” (1978: 115), но надоело - ненадёжное освобождение всё равно далеко. Заключённый мало-помалу отчуждается от свободы, и после того как привыкнет считать тюремную жизнь за жизнь, слово *свобода* получает новое содержание. Будет уже трудно решать, где лучше жить - в тюрьме, или - на свободе, ведь в тюрьме может быть и больше свободы, чем вне тюремной зоны.

Заключённый внутренне свободный, и быть заключённым - внешнее, или как говорит в романе *В круге первом* Руська Доронин: “В общем я...это ведь только внешне, что я - как будто арестант и на двадцать пять лет” (1969: 326-327). Заключённый, одетый в хорошую одежду, чувствует себя более свободным (стр. 81), и когда Глеб Нержин после свидания должен переодеться в знакомую, арестантскую одежду, это для него почти как быть снова арестованным. Лагерные заключённые, одетые для выступления в пьесе культурно-воспитательного

отделения, также имели возможность почувствовать себя людьми “...в этом коротком неверном забвении...” (Солженицын 1974б: 484).

Свобода заключённого зависит, кроме внешности, от его внутренней жизни. Солженицын пишет, что “общая потеря внешней свободы для человека с богатым внутренним миром менее тяжела, чем для человека малоразвитого, более живущего телесно” (1974б: 617), и в его произведениях мы познакомимся со многими заключёнными, которые принадлежат - вместе с ним - к этой первой группе. Дмитрий Сологдин в *Круге первом* очень хороший пример такого человека, для которого нет разницы между свободой и тюрьмой, ведь “мужчина должен воспитывать в себе непреклонность воли, подчиненной разуму” (Солженицын 1969: 254).

В тюрьме за человека всё решается начальством, и он сам уже не должен думать над такими ежедневными заботами, как “что завтра, что через год да чем семью кормить” (1978: 31). Так и Глеб Нержин, который с юных лет мечтал о тюрьме, вдруг заметит, что мечта его исполнилась не даром - ему не осталось “...ни науки, ни времени, ни жизни, ни - жены...” (1969: 286). Заключённый уже не хозяин своей судьбы, и это можно считать и значительной свободой. Человек, не имеющий влияния на формирование своей жизни, избегает и всяких самосуждений в случае неприятностей. Самое важное, что освобожденный от всяких пустых забот человек может концентрироваться на самом себе, на своей душе. (Солженицын 1974а: 554; 1978: 115.)

Вольным ужасно думать о конфискации имущества, за которое они иногда готовы делать что угодно. Вольные всё-таки не считают страшным, что заключённых лишают не только имущества, а также семьи, специальности и т.п., наоборот, они даже потребуют, чтобы заключённых лишили и всяких прав, которых у них и так мало. Заключённые вынуждены относиться к владению имуществом по-другому, и шкала материальных ценностей у них совсем другая. Лишение имущества и даже потерю семьи они считают и освобождением. В *Круге первом* заключённый Бобынин выступит со следующей речью в кабинете министра Абакумова:

У меня ничего нет, вы понимаете - н е т   н и ч е г о! Жену мою и моего ребенка вы уже не достанете - их взяла бомба. Родители мои - уже умерли. Имущества у меня всего на земле - носовой платок, а комбинезон и вот белье под ним без пуговиц... -

казенное. Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самого. Лет мне отроду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять, на каторге я уже был, в номерах ходил, и в наручниках, и с собаками, и в бригаде усиленного режима - чем еще можете вы меня угрозить? чего еще лишить? Инженерной работы? Вы от этого потеряете больше. (1969: 118.)

Вообще, поймите и передайте там, кому надо виши, что вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей не все. Но человек, у которого вы отобрали все, - уже не подвластен вам, он снова свободен. (Солженицын 1969: 119.)

В этом видна особенность советской свободы, которая тем меньше, чем выше общественное положение человека. Таким образом, нас уже не удивляет рассерженный Прячников, воскликнувший: “Ведь в тюрьме-то должна же быть человеку свобода?” (Солженицын 1969: 27). Человека, вообще, невозможно вполне лишить свободы заключением, потому что у него останется свобода всегда самому решать свое отношение к делам в данном случае (Todorov 1997: 61). У советских граждан вне тюрьмы нет этой свободы, и тюрьма получила еще новое значение для обитателей мира заключенных.

Тебя никто не уговаривает подавать в партию. Никто не выколачивает с тебя членских взносов в добровольные общества. Нет профсоюза, такого же твоего “защитника”, как казённый адвокат в трибунале. Не бывает и производственных совещаний. Тебя не могут избрать ни на какую должность, не могут назначить никаким уполномоченным, а самое главное - не заставят тебя быть агитатором. Ни - слушать агитацию. Ни - кричать по дёргу нитки: “требуем!.. не позволим!” Ни - тянуться на участок свободно и тайно голосовать за одного кандидата. От тебя не требуют социалистических обязательств. Ни - критики своих ошибок. Ни статей в стенгазету. Ни - интервью областному корреспонденту.

Свободная голова - это ли не преимущество жизни на Архипелаге? (Солженицын 1974б: 594-595.)

6.4.3 Смерть

Смерть - конец жизни, и она всегда рядом с человеком, которому страшно даже думать о конце своей жизни. В мире заключенных невозможно избежать вездесущей смерти, и представления о ней изменяются. Смерть уже не страшный враг, а - парадокс - она возможность выживания. В заключении человек всегда не

может быть уверен в своем существовании, и, сопротивляясь смерти, он как бы держится за жизнь, за свое “я”. (Teittinen 1993: 90.)

В мире вольных с покойниками обходятся почтительно, но советский мир заключённых совсем не уважал своих мертвых, и Солженицын описывает скромный похоронный обряд в Архипелаге. Он обращает внимание на то, что в древние времена в России даже самых нищих и бродяг хоронили в гробах, а в сталинском лагере о гробах и речи не было, не считая очень редких исключений, и хоронили заключённых голыми, чтобы “не тратиться на белье” (1974б: 217). Ямы рвались аммоналом, и когда аммонала не было копали ямы братские, “большие на многих или мелкие на четверых”, и мертвых в яму “наваливали как бревна” (Солженицын 1974б: 217-218).

На могилах вольных поставлен какой-то памятник, надгробный крест или камень, и покойник как бы продолжает свое существование в памяти близких, которые посещают его могилу. В мире заключённых нет такой возможности, потому что “трупы умерших принадлежат ГУЛагу, а могилы - совсекретны” (1974б: 121). Умирающий в Архипелаге прекращает свое существование окончательно, так как от него не останется ни памяти на земле. Чудо ли, что заключённый не может примириться с мыслью, что смерть застигла бы *его* в тюрьме? Сама смерть значит уже не страшит его, а только мысль о смерти в тюрьме. Вообще, заключённые относятся к смерти с несложностью, и думают, что “...смерть как бы тебя не касается: ты есть - ее нет, она придет - тебя уже не будет” (Солженицын 1969: 524.)

7 РЕЗЮМЕ

В современном обществе свобода принадлежит всем одинаково, и на этом основывается неизбежность тюремного заключения: каждый человек ценит свою свободу, и в этом смысле, лишение свободы является равным наказанием. Заключение не является меновой стоимостью нарушения, и наказание должно быть индивидуальное, чтобы лучше выполнить свою исправительную задачу, то есть способствует осужденному измениться так, что возврат в общество будет возможным. Заключение приносит, кроме лишения свободы, разные значительные - физические и духовные - страдания, и как таковое оно является вполне достаточным наказанием, которое не надо усиливать.

В Советском Союзе 40-50-х годов людей разделили на две группы согласно простому принципу *Кто не с нами, тот против нас*, и быть социальноподчтим сравнивалось с преступлением, за которое заключение стало самым общим наказанием. Чей-то - хоть анонимный - донос приводил к аресту и приговору, в котором забывали о индивидуализировании наказания: обычный срок был с десяти до двадцати пяти лет, несмотря на вид проступка и характер осужденного. Заключение было усилено принудительной работой, сокращением питания и насилием, и люди заметили, что кроме свободы они потеряли права человека. *Враг народа*, как назывался политзаключённый, был самым низким из всех существ на советской земле.

Александр Солженицын отбыл восемь лет советского политзаключения в Архипелаге ГУЛаг и стал его летописцем, достойным Нобелевской премии. Мы помним, что нормальный человек способен вынести тюремные условия, но исключительный во многом человек Александр Солженицын остался в живых только благодаря шарашкам. Без его остановки в Марфино, мы знали бы гораздо меньше о советском заключении в 40-50-х годах, и, в общем, о чужом мире заключённых и внутреннем мире заключённого.

Сегодня, не только у нас в Финляндии, требуют более жёсткого обращения с заключёнными, но нам нельзя забыть, что после отбывания срока, заключённые должны возвращаться в общество. Солженицын задал в своей книге *Архипелаг ГУЛаг* вопрос, который нам помогает извлечь урок из советского заключения: “...мы хотим ли вернуть этих людей в общество? ...Почему тогда содержание *режимов* в том, чтобы систематически унижать арестантов и физически изматывать?” (1974в: 547). На этот вопрос мы ответим словами Солженицына о “частоколе тех лишений и наказаний, который и составляет самое заключение”, и эти слова достойны того, чтобы задуматься.

...человек лишен родных мест; он живёт с тем, с кем не хочет; он не живёт с тем, с кем хочет (семья, друзья); он не видит роста своих детей; он лишен привычной обстановки, своего дома, своих вещей, даже часов на руке; потеряно и опозорено его имя; он лишен свободы передвижения; он лишен обычно и работы по специальности; он испытывает постоянное давление на себя чужих, а то и враждебных ему людей - других арестантов, с другим жизненным опытом, взглядами, обычаем; он лишен смягчающего влияния другого пола (не говоря уже о физиологии); и даже медицинское обслуживание у него несравненно ухудшено. Чем это напоминает черноморский санаторий? Почему так боятся “курорта”? (1974в: 546-547.)

Мы думаем о словах Солженицына, и именно этим мы можем извлечь урок из советского лагеря: тюремное заключение не надо усиливать, а лучше совершенствовать современное заключение. Мы затронули некоторые основные принципы содержания заключённых в тюрьме в 40-50-х годах и сегодня, и заметили, что законы обычно хорошие. Это, конечно, важный шаг к лучшей тюремной практике, но следует всё-таки помнить, что применимость законов часто является очень трудной и у нас в Финляндии, не говоря о России, где бесчеловечные условия во многих тюрьмах можно даже считать пыткой (Kainulainen 2000).

ЛИТЕРАТУРА

Источники

- Солженицын, А. И. 1969. *В круге первом*. Собрание сочинений. 3-й и 4-й том.
Франкфурт: Посев.
- Солженицын, А. И. 1974а. *Архипелаг ГУЛаг. 1918-1956 опыт художественного исследования I-II*. Paris: YMCA-Press.
- Солженицын, А. И. 1974б. *Архипелаг ГУЛаг. 1918-1956 опыт художественного исследования III-IV*. Paris: YMCA-Press.
- Солженицын, А. И. 1974в. *Архипелаг ГУЛаг. 1918-1956 опыт художественного исследования V-VI-VII*. Paris: YMCA-Press.
- Солженицын, А. И. 1978 (1994). *Один день Ивана Денисовича*. Печатается по изданию Собрания Сочинений, т. 3, YMCA-Press. Смоленск: Полиграмма.

Исследовательская литература

- Антонов-Овсеенко, А. 1999. *Берия. Всемирная история в лицах*. Москва: Издательство АСТ.
- Блюм, А. В. 2000. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929-1953. Санкт-Петербург: Академический проект.
- Бракман, Р. 1983. *Выбор в аду*. Жизнеутверждение солженицынского героя. Ann Arbor, MI: Эрмитаж.
- Лукашева, Е. А. (ред.) 2001. *Права человека*. Учебник для вузов. Москва: Издательство НОРМА.
- Нива, Ж. 1984. *Солженицын. Soljénitsyne*. Перевод: С. Маркис в сотрудничестве с автором. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Радзинский, Э. 1997. *Сталин*. Москва: Издательство Вагриус.
- Селиверстов, В. И. (ред.) 2001. *Уголовно-исполнительное право России*. Москва: Юристъ.
- Солженицын, А. И. 1975. *Бодался телёнок с дубом*. Paris: YMCA-Press.
- Толковый словарь русского языка 1995. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. Москва: АЗЪ.
- Форсстедт, П. 2001. *Человек перед лицом зла*. Мир героев романа Александра Солженицына. Jyväskylä Studies in the Arts. Jyväskylä/Lievestuore: Jyväskylä University Printing House/ER-Paino Ky.
- Шаламов, В. 1982. *Колымские рассказы*. Paris: YMCA-Press.

- Björkegren, H. 1971. *Alexander Solsjenitsyn*. Biografi och dokument. Stockholm: Wahlström&Wahlström.
- Des Pres, T. 1971. The Heroism of Survival. *Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials*. Edited by J. B. Dunlop, R. Haugh, A. Klimoff. 2nd Edition, 1975. New York: Collier Books. A Division of Macmillan Publishing Co., Inc.
- Ericson, E. E. 1980. Solzhenitsyn - The Moral Vision. Grand Rapids, MI: William B. Erdemans Publishing Company.
- Foucault, M. 1975. Tarkkailla ja rangaista. *Surveiller et punir - Naissance de la prison*. Suom.: E. Nivanka. Helsinki: Otava.
- Kainulainen, J. 2000. Kidutus - maailmanlaajuinen ongelma. *Amnesty tiedote 7/2000*. Julkaisija: Amnesty International Suomen osasto. Pieksämäki: Lehtisepät.
- Keskimaunu, A. (toim.) 1995. *Rikoslaki*. Lakikokoelma. Helsinki: Painatuskeskus Oy.
- Lipsonen, L. 1997. *Vangittu kulttuuri*. Vankeinhoidon koulutuskeskuksen julkaisu 1/1997. Helsinki: Edita.
- Matinpuro, R. 1981. *Vankien oikeudet ja vankilajärjestys 1918-1975*. Vankeinhoidon historiaprojektiin julkaisu n:o 4. Helsinki: Valtion painatuskeskus.
- Scammell, M. 1984. *Solzhenitsyn*. A biography. New York: W. W. Norton&Company Ltd.
- Shifrin, A. 1981. Vankileirien maa. *Путеводитель по лагерям, тюрьмам и психиатрическим тюрьмам в СССР*. Suom. H. Sarkkila. Saarijärvi: Ari-paino.
- Teittinen, V. 1993. *Vangin filosofia*. Vankeinhoidon koulutuskeskuksen julkaisuja 5/1993. Helsinki: Painatuskeskus.
- Thomas, D. M. 1998. *Alexander Solzhenitsyn*. A century in his life. London: Little, Brown and Company.
- Thunander, T. (toim.) 2000. Lebedewa IZ 45/4. *Reportrarna*. TV-ohjelma. Malmö: Sveriges Television.
- Todorov, T. 1997. Facing the extreme. Moral life in the concentration camps. *Face à l'extrême*. Transl. A. Denner and A. Pollak. New York: Henry Holt and Company, Inc.
- Vainonen, J. M. 2001. Nimettömät ilmiannot palanneet. *Etelä-Suomen Sanomat* 18.3.2001. Lahti: Esan kirjapaino Oy.
- Vähimmäissääntöjen soveltaminen 1998. Vankeinhoidon koulutuskeskuksen julkaisu 4/97. Helsinki: Hakapaino Oy.